

ДЖЕННИФЕР УОРФ

ВЫЗОВИТЕ АКУШЕРКУ

ПРОЩАНИЕ

С ИСТ-ЭНДОМ

«Утешительный и укрепляющий витаминный коктейль
из здравого смысла, доброжелательного любопытства,
иронии и железобетонной веры в добро».

Галина Юзефович, Meduza

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вызовите акушерку

Дженнифер Уорф

**Вызовите акушерку.
Прощание с Ист-Эндом**

Издательство "Livebook/Гаятри"

2009

УДК 82-94
ББК 84 (4)

Уорф Д.

Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндром / Д. Уорф —
Издательство "Livebook/Гаятри" , 2009 — (Вызовите
акушерку)

«Прощание с Ист-Эндром» – заключительная часть трилогии «Вызовите акушерку», ставшей бестселлером и основой одноимённого сериала. Дженнифер Уорф расскажет новые истории – трагические, курьёзные и удивительные – из жизни обитателей Ист-Энда и о том, как сложились судьбы акушеров: мудрой и благородной сестры Джулианны, опытной сестры Бернадетт, ворчливой сестры Евангелины, упрямой и бесконечно обаятельной Моники Джоан, нежной Синтии, острой на язык Трикси, неуклюжей и забавной Чамми. Трилогия «Вызовите акушерку» сделала Дженнифер Уорф самым ярким летописцем ушедшей эпохи. Неважно, с какой части вы начнёте знакомство: в каждой из книг вы найдёте отдельные истории жителей Лондона 1950-х. Это книги о том, как люди, несмотря на бедность и трудные испытания, сохраняли чувство юмора, жизненную стойкость и веру.

УДК 82-94
ББК 84 (4)

© Уорф Д., 2009
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2009

Содержание

Юность сгинет без следа	6
Входят трое в ресторан	8
Не доверяйте морякам	15
Синтия	25
Пропавшие дети	30
Сажа	34
Нэнси	38
Меган-Мэйв	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дженнифер Уорф Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндром

Copyrights © Jennifer Worth 2009

© CТМ Productions Ltd. A Neal Street Production, фотография на обложке, 2017

© Дарья Горянина, перевод на русский язык, 2017

© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2018

* * *

Синтии, за дружбу длиною в жизнь

Юность сгинет без следа

Кто-то сказал, что молодость лишь зря тратится на юных¹. Это не так. Только молодые обладают импульсивной энергией, которая позволяет им с радостью добиваться невозможного; им хватает храбрости следовать указаниям сердца и приветствовать всё новое; у них есть силы без усталости трудиться днями и ночами. Молодые могут всё. Двадцать лет спустя никто из нас уже не способен на то, что с лёгкостью давалось нам в юности. Воспоминания по-прежнему с нами, но внутренний огонь уже угас.

В горячую пору молодости, в двадцать с небольшим, я отправилась работать окружной акушеркой в пострадавший от бомбардировок Ист-Энд. Это не было каким-то призванием – меня просто тянуло к приключениям. Мне хотелось чего-то не похожего на прежнюю обычную жизнь – какого-то испытания, вызова, проверки на прочность, нового направления. Я отправилась в Ноннатус-Хаус² – небольшую, как я думала, частную больницу. Оказалось, что это монастырь сестёр Святого Раймонда Нонната. Обнаружив свою ошибку, я чуть не сбежала, подхватив неразобранные сумки. К монахиням я не стремилась. Мне казалось, что я тут не приживусь. Мне хотелось впечатлений, а не религии. Тогда я этого не понимала, но на самом деле мне не хватало и того, и другого.

Монахини так и притягивали приключения. Они бесстрашно ходили повсюду: по тёмным улицам и подворотням, мрачным лестницам, портам, борделям; вступали в схватки с разбушевавшимися арендаторами и мужьями – им всё было по силам. Мудрая, неутомимая, благородная сестра Джулианна, всегда готовая пошутить, вдохновляла нас на подвиги. Спокойная послушница Рут и просвещённая сестра Бернадетт вызывали у нас уважение и даже некоторый трепет своими обширными познаниями и опытом в акушерском деле. Неприветливая, ворчливая сестра Евангелина поражала и смешила нас своей вульгарностью. А уж несносная сестра Моника Джоан! Как описать эту упрямую, шальную, бесконечно обаятельную даму, которую как-то судили за воровство (но оправдали)?

– Небольшое недоразумение, – говорила она. – Не стоит об этом.

Глядя на сестёр, мы также бесстрашно седлали велосипеды посреди ночи и в одиночку отправлялись в самые опасные районы Лондона, где даже полицейские ходили только по двое. Мы мчались по неосвещённым улицам и переулкам, мимо жутких пустырей, где собирались наркоманы; мимо портов, чью ночную тишину нарушали только скрипы и стоны кораблей, покачивающихся на швартовых; мимо огромной, тёмной, молчаливой реки; мимо борделей на Кейбл-стрит и мрачных сутенёров. Мимо... Хотя нет, не мимо... А напрямик в крошечный домик или квартиру, где было тепло и светло, где ждали появления младенца.

Мы с коллегами обожали каждый момент этого процесса. Синтия, чей голос звучал, словно музыка, и чья спокойная, нежная улыбка могла упорядочить любой хаос. Сообразительная и острая на язык Трикси. Чамми, белая ворона в своём колониальном семействе – слишком высокая и неуклюжая, чтобы стать частью общества: она не верила в себя, пока не занялась акушерством и не оказалась настоящей героиней.

Молодость тратится на юных? Только не в нашем случае. Пусть те, кто тратит эти годы зря, сожалеют об упущенных возможностях. Пережитого опыта, приключений и опасностей

¹ «Молодость – прекрасная штука. Какое преступление тратить её на детей» – это высказывание приписывают Джорджу Бернарду Шоу. Цитата в заголовке – из третьей сцены второго акта комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь». – Здесь и далее: *примеч. авт.*, если не указано иное.

² Акушерки Святого Раймонда Ноннатуса – это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушеров, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (*non natus* на латыни значит «не рождённый»). Его мать, что неудивительно, умерла при родах. Он стал священником и скончался в 1240 году.

нам бы хватило на целую жизнь. Как радостно вспоминать об этом в старости: солнечные лучи, освещающие чёрные дома, сверкающие трубы пароходов, выходящих из порта, шутки и заботу кокни, или же постоянный недосып и бесконечные ночные вызовы; пробитую шину и полицейского, который её латал, беготню по баржам вместе с сестрой Евангелиной, удушьяющий сизо-жёлтый лондонский смог в тот день, когда Кончита родила недоношенного младенца, или же то Рождество, когда мы приняли ребёнка, родившегося ногами вперёд; бордели на Кейбл-стрит, куда угодила малютка Мэри, и где жила старая миссис Дженкинс, терзаемая воспоминаниями о работном доме.

Я вспоминаю молодость, когда всё казалось новым и ярким, когда ум постоянно задавался вопросами, искал ответы и впитывал знания, когда любовная боль была такой острой, что, казалось, могла удушить. А радость такой концентрированной, что из-за неё можно было лишиться рассудка.

Входят трое в ресторан

Извозчики говорят, что рабочая лошадка всегда найдёт путь в стойло, и в конце дня её шаг становится легче, – она понимает, что скоро её ждёт мягкое сено, еда и вода. Так же чувствовали себя и мы, акушерки, направляясь домой после вечерних обходов.

Прохладный, но мягкий ветер обдувал меня, пока я катилась по Коммершиал-роуд и Ист-Индия-Док-роуд по направлению к тёплой кухне Ноннатус-Хауса и – главное – ужину. Я была молода, здорова и голодна, и позади был долгий день. Пока я крутила педали, мои мысли в основном занимал домашний хлеб миссис Би. Эта женщина творила настоящие чудеса, а я знала, что сегодня утром она месила тесто. Кроме того, я размышляла о задачке, которую рассказал Фред за завтраком. Мне не удавалось её решить – трижды девять будет двадцать семь, да плюс два – двадцать девять, так куда делся ещё один шиллинг? «Чушь какая-то, не мог же он раствориться в воздухе! Интересно, нашли ли ответ девочки. Возможно, Трикси и догадалась, в чём дело, она вообще хорошо соображает», – думала я.

Ветер дул мне в спину, ехать было легко, и я прибыла домой в превосходном настроении. Но Трикси ехала с востока, преодолела две мили³ против сильного ветра и, что неудивительно, была несколько раздражена. Мы убрали велосипеды и отнесли сумки в процедурную – правила гласили, что все инструменты следовало немедленно мыть, стерилизовать, пересчитывать и паковать заново на случай внезапного ночного вызова. Чамми – она же Камилла Фортескью-Чолмели-Браун – опередила нас.

– Быстрее, черепашки вы мои! – бодро крикнула она.

– Только не сейчас, – простила Трикси. – У меня нет сил. Я не черепашка, и уж точно не чья-нибудь. Я замёрзла, у меня болят колени, я умираю с голоду, и мне надо разобрать сумку перед ужином.

Чамми тут же преисполнилась сочувствия.

– Прости, старушка, не хотела тебе задеть.

Я только что сложила салфетки – возьми, сложу себе ещё. А автоклав уже разогрелся до ста восьмидесяти градусов, я включила его минут двадцать назад, когда пришла. Мы сейчас вмиг с этими сумками разберёмся. Вы видели, что миссис Би утром пекла хлеб?

Мы видели. Миссис Би не только пекла лучший хлеб к северу от Темзы, ещё она специализировалась на джемах, соусах чатни и готовила убийственные кексы и пироги.

Упаковав сумки, мы вышли из процедурной и отправились в кухню за ужином – простой трапезой, которую готовили себе сами. Кульминацией дня был обед – мы все собирались за большим столом, обычно по двенадцать-пятнадцать человек, включая гостей. Сестра Джулианна возглавляла сообщество. Присутствие монахинь и, зачастую, приглашённого духовенства, придавало обеду некоторую формальность, и мы старались вести себя наилучшим образом. Не то что ужин: мы все, включая сестёр, возвращались в разное время, поэтому обычно перекусывали на кухне. Все держались – и беседовали – куда свободнее, чем днём.

Кухня была просторной, возможно, построенной в викторианские времена. В эдвардианскую эпоху её переделали и с тех пор чуть подновили. Под высокими окнами (никто не мог дотянуться до них, даже Чамми) стояли две большие каменные раковины. Вода поступала в большие тугие краны через трубы, тянувшиеся по всей кухне и прикрученные к стене металлическими креплениями. Когда мы поворачивали рукоятку, трубы булькали и тряслись, и краны то неохотно выдавали тонкую струйку, то щедро плевались водой – приходилось отскакивать, чтобы нас не намочило. Над раковинами висели деревянные подставки

³ Примерно три километра. – *Примеч. ред.*

для тарелок, а по бокам высились столы с мраморными столешницами: здесь миссис Би месила тесто, оставляла его доходить, укрыв тканью, и выполняла прочие волшебные ритуалы, необходимые для приготовления хлеба.

У второй стены стояли большая газовая и угольная плиты, причём последняя была с духовкой и дымоходом, который уходил вверх по стене и скрывался где-то в потолке в пятнадцати футах⁴ от пола. Горячая вода поступала из бойлера, а потому Фред, наш разнорабочий и ответственный за быт, был крайне важной личностью – даже миссис Би приходилось с этим считаться. Они оба были кокни, и между ними существовало хрупкое, настороженное перемирие, которое то и дело выливалось в перебранки на диалекте: обычно это происходило, когда Фред опять устраивал беспорядок на сверкающей кухне миссис Би, а она обрушивалась на него. Миссис Би представляла собой дородную даму с внушительным бюстом, а Фред даже по меркам кокни был шупловат, но держался твёрдо и сражался до последнего. Между ними вспыхивали настоящие битвы, но миссис Би понимала, что сёстры без Фреда не обойдутся, и раз за разом на кухне воцарялось спокойствие.

Миссис Би была права: Фред вечно устраивал беспорядок. Во всём было виновато его невероятное косоглазие – один глаз смотрел на северо-восток, другой на юго-запад, так что Фред мог глядеть в обоих направлениях одновременно, но только не прямо перед собой. Зачастую, когда он выгребал золу или подбрасывал уголь, содержимое лопаты разлеталось во все стороны. Он кое-как подметал, но, как правило, сор тоже не попадал куда следует. Зола покрывала всё вокруг, и миссис Би... можете себе вообразить!

Мы приготовили себе хлеб с сыром и чатни, финики с яблоками и несколько баночек лимонной помадки, джема и мармелада. Все мы ценили еду, поскольку выросли в войну, в пору строгих рационов. Ни одна из нас в детстве и в глаза не видела банана или шоколадки. Нас воспитывали на яйцах и крохотных кусочках сыра, которых должно было хватить на всю неделю. Хлеб, как и всё остальное, строго дозировался, и роскошная стряпня миссис Би вызывала у нас стоны восторга.

– Чур мне корочку.

– Так нечестно, ты её в прошлый раз ела.

– Тогда давай поделим.

– Может, и с другого края срезать?

– Нет, тогда зачерствеет.

– Давайте бросим жребий.

Не помню, кто выиграл, но мы договорились.

– Вы решили задачку Фреда? – спросила я.

– Сложно сказать, – ответила Чамми с набитым ртом и удовлетворённо вздохнула.

– На мой взгляд, чушь собачья, – заметила Трикси.

– Это не чушь, а вопрос арифметики, – ответила я и отрезала себе ещё сыра.

– Ну, можешь размышлять об арифметике, старушка, а у меня есть вопросы и поинтереснее. Передай мне чатни.

У Чамми, что неудивительно, всегда был отличный аппетит.

– Оставь что-нибудь Синтии, – сказала я. – Она вот-вот придёт, и чатни она очень любит.

– Ой, простите! – Чамми отложила половину порции обратно в банку. – Вот я жадина. А где она, кстати? Должна была с час назад вернуться.

– Видимо, задержалась, – ответила Трикси. – Нет, дело в другом, уверяю тебя. У меня в школе была почётная грамота, и я тебе говорю, это не арифметика.

⁴ Примерно четыре с половиной метра. – *Примеч. пер.*

– А что? Трижды девять будет двадцать семь, так меня учили, плюс два – двадцать девять.

– Верно. И что?

– И где ещё один шиллинг?

Трикси впала в ступор. Ей не удалось придумать ответ с ходу, а она предпочитала реагировать на всё мгновенно.

– Это какое-то надувательство, вот что, – заявила она. – Фред, как обычно, жульничает.

– Ну-ка, ну-ка, кто там обвиняет меня в жульничестве, позвольте спросить?

Фред вошёл в кухню с лотком угля в одной руке и ведёрком золы в другой. Голос его звучал дружелюбно, и он весело улыбался беззубым ртом (не совсем, впрочем, беззубым, поскольку один зуб там всё же имелся: большой жёлтый клык). К его нижней губе прилипла изжёванная папироса.

Трикси, очевидно, не испугалась, что обидела хорошего человека, – напротив, она негодовала.

– Ты нас точно дуришь с этой загадкой про ресторан.

Фред взглянул на неё тем глазом, что вечно смотрел на северо-восток, переместил папиросу в противоположный угол рта, пососал зуб и хитро подмигнул.

– А, то есть по-вашему это надувательство? Ну так скажите мне, в чём подвох, мисс Трикси, вы же умная.

Фред осторожно опустился на колени перед печкой и открыл заслонку. Трикси готова была взорваться, но Чамми спасла ситуацию.

– Знаешь что, старушка, надо проверить, остался ли там кекс. Наша миссис Би – настоящее сокровище. Я два года жизни потратила на кулинарную школу Кордон Блю, фаршировала там сливы беконом, инжир – рыбой и делала прочую ерунду. Но там такие кексы никто не пёк.

Пока мы наслаждались десертом, Трикси успокоилась.

– Оставьте кусочек Синтии, – сказала Чамми. – Она вот-вот придёт.

– А что, ваша тихоня ещё не вернулась? Пора б уже.

Фред то и дело дразнил нас, но при этом искренне о нас заботился. Он поворошил угли кочергой.

Я по-прежнему считала, что Трикси неправа. Я весь день думала об этой загадке и теперь мне не терпелось выяснить ответ.

– Фред, я хочу разобраться. Входят трое в ресторан, так?

– Так.

– И платят за обед тридцать шиллингов, так?

– Верно.

– То есть по десять каждый, правильно?

– Да ты умница, я погляжу!

– И официант отдал тридцать шиллингов кассиру, так? – продолжала я, не обращая внимания на его саркастический тон.

– Так.

– ...который сказал, что на самом деле еда стоила двадцать пять шиллингов. Всё сходится?

– Пока что да. А дальше что было?

– Кассир отдал пять шиллингов официанту.

– Ну надо же, просто вундеркинд! В школе, небось, в любимчиках ходила, а?

– Не мешай. Официант подумал, что посетители не узнают, и отдал им три шиллинга, а два прикарманил.

– Вот ведь проныра, а? Ну да ничего, такое за всеми водится.

– Не суди по себе!

– Посмотрите-ка, какая цаца!

– Вот здесь я начинаю путаться, – вмешалась Трикси. – Если каждый взял себе шиллинг сдачи, то каждый заплатил девять, а не десять.

– А трижды девять будет двадцать семь, – заговорили мы наперебой, – а вместе с двумя шиллингами у официанта – это двадцать девять. Так куда делся тридцатый шиллинг?

Мы непонимающе переглянулись. Фред продолжал ворошить угли в печи, что-то насвистывая.

– Фред, куда делся шиллинг? – требовательно спросила Трикси.

– Ну хочешь, золотце, обыщи меня, – ответил тот.

– Не говори ерунды! – Трикси опять завелась. – Немедленно скажи...

– А вы подумайте, – отрезал Фред. – Я вынесу золу, а вы пока что пораскиньте мозгами.

В этот момент на кухню вошли Рут и сестра Бернадетт.

– Какой ответ?

– Девочки как раз пытаются догадаться.

Пока сёстры готовили себе ужин, мы пересказали им задачку. Послушница Рут отличалась вдумчивостью и тут же погрузилась в размышления.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Не складывается. А где Синтия?

– Ещё не вернулась.

– Пора бы, если у неё только вечерний обход.

– Видимо, задержалась.

– Похоже на то. Хлеб потрясающий. Миссис Би просто фантастически печёт. Наверное, секрет в том, как месить и когда остановиться.

Трикси вытащила карандаш и бумагу.

– Надо разобраться. Не мог же шиллинг куда провалиться.

Она принялась записывать, но цифры не сходились, и она вновь разозлилась. И тут её осенило:

– Давайте возьмём спички вместо шиллингов! – Она вытащила коробок из духовки и высыпала его содержимое на стол. – Мы будем тремя посетителями, Рут – официанткой, а сестра Бернадетт выступит кассиром.

Она пододвинула к нам с Чамми горку спичек.

– Так, Рут, ты официантка – повесь на руку полотенце и подойди к нам со счётом. Бумажка сойдёт. Возьми с нас тридцать шиллингов.

Рут с энтузиазмом включилась в игру. Мы отсчитали по десять спичек и отдали ей.

Сестра Бернадетт сделала себе бутерброд и молча за нами наблюдала.

– Вы будете кассиром, сядьте вон туда.

Монахиня укоризненно взглянула на Трикси и передвинула стул к концу стола.

– Нет, подальше. Расположитесь у раковины!

Сестра взяла свой бутерброд и послушно уселась там, где ей сказали.

– Теперь официантка берёт счёт и отдаёт его с деньгами кассиру, – скомандовала Трикси. – Кассир смотрит в счёт, видит, что там ошибка, и говорит... Ну говорите.

– Здесь ошибка, – сказала сестра Бернадетт. – Обед стоит двадцать пять шиллингов, а не тридцать. Возьмите пять шиллингов сдачи и отдайте их гостям.

Она вручила Рут пять спичек.

– Неплохо, – снисходительно сказала Трикси. – Очень неплохо. Так, что дальше делает официантка?

– Я вижу шанс подзаработать, – ответила благочестивая послушница и с хитрой улыбкой сунула две спички в карман.

– Всё верно. Продолжайте.

Рут вернулась к столу и отдала нам три спички. Мы взяли по одной.

– Отлично, – воскликнула Чамми. – Целый обед всего за девять шиллингов!

– И я заплатила девять, – сказала я. – А ты, Трикси?

– Девять. Похоже, что девять, потому что... вот тут-то и начинаются сложности! – воскликнула Трикси. Она была недовольна, поскольку обычно у неё был готов ответ на любой вопрос. – Трижды девять будет двадцать семь... слушайте, мы где-то ошиблись. Давайте всё сначала.

Мы снова пододвинули к себе горку спичек.

– Рут, ты опять будешь хитрой официанткой.

В этот момент в дверях появилась сестра Джулианна.

– Зачем вам столько спичек? И когда это Рут успела стать хитрой официанткой? – спросила она со смехом. – Как её наставница я не могу одобрить подобное.

Мы разложили спички и пересказали задачу сестре Джулианне.

– Ах, Фред, старый лис! Он всем задаёт эту задачку. Он вас просто дразнит – ещё никто её не разгадывал, и вы вряд ли справитесь. Мне нужна Синтия. Где она?

– Ещё не пришла.

– Ещё не пришла? Так где же она? Уже почти девять. Она должна была закончить обход к половине седьмого или семи. Куда она запропастилась?

Мы вдруг почувствовали себя виноватыми – пока мы набивали животы и бились над какой-то дурацкой задачей, никому и в голову не пришло выяснить, почему Синтии так долго нет.

Войдя в кухню, Фред застал конец разговора. Пока мы обменивались тревожными взглядами, он спокойно сказал:

– Не волнуйтесь, сестра, с ней всё в порядке. Задержалась, ничего страшного. Вы ж знаете, как мы, кокни, говорим: у нас монахини в безопасности. Ничего с ней не будет. Скоро придёт.

– Мне кажется, она у Джессопов, сестра, – сказала Рут. – Их ребёнку уже две недели, и миссис Джессоп сегодня ходила в церковь на очистительную молитву. После этого женщины обычно празднуют, и Синтию, наверное, пригласили остаться.

Сестра Джулианна, по-видимому, слегка успокоилась, но всё же сказала:

– Думаю, вы правы, но нам уже пора собираться на вечернюю службу. Сестра Ли, не могли бы вы съездить к Джессопам, пока мы молимся?

Дом Джессопов был всего в десяти минутах езды, и по пути я размышляла об этом странном обычае – очистительной молитве. До приезда в Ноннатус-Хаус я и не слышала о ней. Насколько я знала, мои бабушки, мама и тётки не практиковали ничего подобного, но женщины в Попларе никуда не выходили после родов, пока священник не «очистит» их. Возможно, это был способ отблагодарить Бога за появление ребёнка или же за то, что всё прошло хорошо, – традиция появилась в те времена, когда роды часто заканчивались смертью. Впрочем, истоки могли быть ещё более древними – возможно, всё началось в ту пору, когда женщина после родов считалась «грязной» и нуждалась в ритуальном очищении. Церковь приняла этот обряд и встроила его в свою практику – так произошло со многими языческими обычаями.

У Джессопов явно гуляли – женский смех в их доме был слышен издали (мужчин на такие праздники не пускали), и некоторое время мне не удавалось достучаться до хозяев. Когда дверь наконец открылась, меня буквально втащили внутрь и сунули в руку стакан. Пришлось высвободиться и объяснить цель своего визита. Синтии здесь не было. Она пришла в половину седьмого, но как ни уговаривали её остаться, без четверти семь она уже ушла.

Когда я вернулась в Ноннатус-Хаус, сёстры выходили из часовни. Обычно в этот час наступало время обета молчания – в монастыре существовал обычай соблюдать тишину после вечерней молитвы. Но тот вечер выдался шумным. Сестра Джулианна тут же позвонила в полицию, но там не слышали ни о каких несчастных случаях, и никто из монахинь не обращался к ним за помощью. Тогда она велела всем нам отправиться на поиски на велосипедах, отметила на карте районы, которые Синтия посещала во время вечерних обходов, и потребовала выяснить, когда точно Синтия приходила к пациентам и покидала их. Сестре Евангелине было уже за шестьдесят и позади у неё был долгий рабочий день, но она вытащила велосипед и отправилась на поиски пропавшей девушки. Фред не умел ездить на велосипеде и решил обыскивать окрестные улицы пешком. В Ноннатус-Хаусе остались только сестра Джулианна с сестрой Моникой Джоан – всё же мы занимались акушерской практикой, и к нам могли обратиться в любой момент.

Встревоженные, мы покинули дом и разошлись в разные стороны с наказом позвонить сестре Джулианне, если у нас будут хорошие новости. Не знаю, о чём думали остальные пока мы колесили по улицам, но я переживала за Синтию. В этом районе теснились полуразрушенные брошенные дома, перемежаемые пустырями. То и дело попадались уничтоженные бомбардировками развалины, где спали наркоманы. Опасность была повсюду, хотя вряд ли кто-то из нас когда-либо чувствовал угрозу. Фред совершенно справедливо сказал, что монахиням нечего бояться в окружении кокни. Мы все знали, что форма оберегает нас, и что сестёр здесь уважают и даже почитают за заботу о местных женщинах. Ни один мужчина не напал бы на монахиню – а если бы и напал, тем хуже для него, поскольку ему пришлось бы за это поплатиться.

И всё же... Синтия исчезла, и мне никак не удавалось выбросить из головы мысли о том, что это всё же опасный район, и братья Крэй⁵ навели здесь свои порядки. Я встретила двух полицейских. «Интересно, – подумала я, – полицейские всюду ходят парами, а монахини – поодиночке, даже посреди ночи». Я поговорила с ними, но в тот вечер они не видели других монахинь и не слышали ничего подозрительного. Они пообещали держать ухо востро. Я заглянула в несколько домов из списка Синтии, но она покинула их три часа назад.

Назад я возвращалась в мрачном настроении.

Я заворачивала во все переулки и даже периодически звала Синтию по имени, но её нигде не было.

Около десяти вечера, по дороге в монастырь, я увидела, что со стороны туннеля Блэкуолл движутся два силуэта – мужчина со знакомой мне хромотой, который катит перед собой велосипед, а рядом с ним какая-то женщина. Сердце у меня так и замерло, и я поспешила вперёд с возгласом: «Синтия!» Это действительно оказалась она, и я чуть не расплакалась от радости.

– Слава Богу, что ты в порядке! Где ты была?

– Так, пару раз прокатилась по туннелю, – ответил за неё Фред.

– По туннелю? На велосипеде? Не может быть!

Синтия молча кивнула.

– Тебя же могли сбить!

– Знаю, – сказала она. – Чуть не сбили.

– Как ты туда попала?

Она не в силах была говорить, поэтому мне ответил Фред:

⁵ Братья-близнецы, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности в Ист-Энде в 1950-х и 1960-х годах. – *Примеч. ред.*

– Не знаю уж, как она туда попала, знаю только, что я нашёл её на выходе, еле живую от усталости.

– Фред, какое счастье, что ты её отыскал!

– Да я ж ничего такого и не сделал, только велосипед прикатил.

– Спасибо, – благодарно прошептала Синтия.

Мы привели её в Ноннатус-Хаус. Большинство уже вернулось без каких-либо хороших вестей, поэтому наше неожиданное появление вызвало всеобщий восторг. При свете мы увидели, в каком она состоянии – грязная, вымазанная машинным маслом и источающая сильный запах бензина.

Выпив чашку чая, Синтия наконец смогла рассказать о случившемся.

– Не знаю, как так вышло, но я случайно заехала не на ту полосу, и мне пришлось въехать в туннель со всеми машинами, а внутри уже было невозможно остановиться или развернуться... Дорога пошла под откос, и мне нужно было мчаться всё быстрее и быстрее, потому что вокруг оказались одни грузовики...

Фред, считавший себя героем вечера, закончил её историю. Никто из нас не бывал в туннеле, и Фред рассказал, что это – извилистый проезд под Темзой, соединяющий Поплар с Гринвичем. Строили его в расчёте на автомобили викторианской эпохи, и для современных грузовых машин места там не хватало. Два грузовика могли разъехаться, только если прижимались к стенам вплотную. Синтию легко могли раздавить – она не могла спешиться, поскольку встать было негде: дорогу от стены отделял низкий цементный барьер шириной в двадцать дюймов⁶. Приходилось ехать вперёд, несмотря на рёв моторов, удушливые выхлопы и ослепляющий свет фар. На выезде из туннеля дорога пошла в гору, и Синтии пришлось поднажать на педали. Самое неприятное, что бедной Синтии пришлось ехать в гору против ветра – худшее сочетание из всех возможных.

А потом предстояла обратная дорога.

Удивительно, как быстро молодые люди приходят в себя после происшествий. Синтия не пострадала физически – она просто сильно испугалась и очень устала. Мы хлопотали вокруг неё – посадили у печки, и Фред вывалил на железный лист перед очагом горящие угли, чтобы было теплее. Рут вскипятила воду, вылила её в тазик, добавила столовую ложку горчицы и велела Синтии сунуть ноги в воду. В тепле Синтия снова зарумянилась. Чамми срезала корочку с хлеба и сделала бутерброд с сыром и остатками чатни. Трикси принесла кекс. Сестра Джулианна приготовила огромную кружку какао.

Синтия откинулась на спинку стула и вздохнула:

– Не знаю, как это случилось. Когда я поняла, что происходит, выбраться было уже невозможно. Настоящий кошмар. Слава Богу, что всё позади. Какой же вкусный хлеб!

Она откусила бутерброд и хихикнула:

– Не знаю, кстати, видели ли меня полицейские. Наверняка там нельзя ездить на велосипедах!

– Да, думаю, ты нарушила правила, – сказала сестра Джулианна. – Кажется, в туннель нельзя заезжать даже на мотоциклах, не говоря уж о велосипедах! Мне надо сообщить в полицию, что мы тебя нашли, но я не скажу, где именно.

– Лучше вообще им ничего не говорить, – вмешался Фред. – Если ничего не знают, то ничего и не сделают.

– Слушай, Фред, – сказала Синтия, – я весь день вспоминаю твою задачку и я никак не могу понять, в чём дело. Входят трое в ресторан...

– Нет, только не это! – воскликнула сестра Джулианна. – Пойду-ка я спать.

⁶ Примерно пятьдесят сантиметров. – *Примеч. ред.*

Не доверяйте морякам

Лицо Рут напоминало лик боттичеллевского ангела. У мужчин в Попларе не хватало смелости заговорить с ней: огромные серые глаза, белоснежная кожа, ровные зубы и нежная улыбка словно повергали их в ступор. Дело было не в том, что они опасались монахинь – с остальными они общались свободно. Возможно, их обескураживали её изысканные манеры, благородство и очарование. Если кто из них порой и думал: «Какая жалость, что она монашка», то сказать этого вслух не решался никто.

Ей было около двадцати пяти – по возрасту она была ближе к нам, чем к сёстрам, но она не являлась одной из нас. Рут принадлежала к монашескому ордену, а поскольку она всё ещё проходила новициат, правила для неё были куда строже, чем для старших сестёр. Её призвание дарило ей практически осязаемую радость, которая освещала изнутри её прелестные черты. Кроме того, она закончила обучение и стала квалифицированной медсестрой и акушеркой. После учёбы её готовность посвятить себя религии должна была пройти испытание. В течение двух лет она была аспиранткой, после чего постулянткой, затем начались два года новициата. При этом правила ордена требовали от неё ещё двух лет обучения: в конце первого и второго года она должна была дать временные обеты, а в конце третьего – вечные. Нелегко решиться на такой шаг, но Рут, казалось, вовсе не тяготилась своим выбором. Церковь для неё была естественной средой обитания.

Но была в Рут и ещё одна черта, о которой вряд ли кто-то догадывался, кроме нас, её подруг.

Жители Поплара уж точно не знали её такой, да и старшие сёстры тоже. На самом деле Рут была невероятной хохотушкой – она могла рассмеяться совершенно неожиданно, и её смех казался невероятно милым. Её веселило буквально всё подряд. Это её качество, как правило, проявлялось за столом, пока мы готовили ужин – особенно, если мы собирались вдвоём-втроём до прихода старших сестёр. В это время мы по обыкновению рассказывали, как прошёл день, и Рут хохотала над любой мелочью, будь то отвалившаяся педаль у велосипеда или унесённый ветром чепец. Она буквально хваталась за бока, обливаясь слезами от смеха. Нам передавалось её веселье, и ужин с сестрой Рут неизменно повышал всем настроение.

Кроме того, она была великолепной актрисой и могла изобразить кого угодно. Особенно часто доставалось сестре Монике Джоан:

– Вижу, что переменчивые эфирные тона опускаются в земную слизь и освещают... о, да тут кексы с маслом и джемом!

И мы заливались хохотом.

Однажды вечером мы лакомились сэндвичами с сыром и чатни и оладушками с мёдом, как вдруг услышали тяжёлую поступь сестры Евангелины.

Я побаивалась её, так как она совершенно явно меня недолюбливала и считала, что я абсолютно всё делаю неправильно. Она, как всегда, недовольно фыркнула, после чего сухо сообщила:

– Сестра Ли, сестра Скаттербрейн, надо поговорить.

Внутренне сжавшись от ужаса, я торопливо вскочила и опрокинула баночку с мёдом.

– Да, сестра.

За моей спиной стояла Рут. Потом меня мучило несварение желудка, которое я заработала на нервной почве.

Рут лучше всех изображала характерный говор кокни. Ей идеально удавались и детские капризы, и материнская брань, и крики уличного зазывалы. После тяжёлого дня она обычно приговаривала:

– Фу-ты, ну-ты, где ж моя чашка чаю да кекс, будь они неладны, надо б нам чаю хлебнуть, да, крошка? Да с моряцким пирожком, а?

Мы хохотали до слёз, хотя знай Рут, что значит это выражение, она вряд ли бы его повторяла. Мы часто слышали его в порту, но вряд ли из нас кто-то понимал, о чём идёт речь. Видимо, мы полагали, что имеется в виду что-то вроде фруктового кекса с ромом.

Телефон зазвонил в половину второго ночи. Трубку взяла Рут.

– Ноннатус-Хаус слушает.

– Мне дали ваш номер и сказали позвонить, когда будут схватки, – ответила ей женщина с мягким ирландским акцентом.

– Назовите ваше имя и адрес.

– Кэтлин О’Брайан, Собачий остров, Меллиш-стрит, сто сорок четыре.

Рут не припомнила, чтобы женщина с таким именем и адресом проходила предродовой осмотр – да и беременных с ирландским акцентом среди пациенток не было.

– Вы наблюдаетесь у нас?

– Не знаю.

– Ну, у кого-то же вы наблюдаетесь.

– Что это значит?

– Это значит, что врач наблюдает за вашей беременностью, принимает у вас роды и ухаживает после.

– Вот как.

Последовала долгая пауза.

– В общем, не понимаю, что это значит, но у меня тут вроде как схватки, и мне сказали вам позвонить. Вы приедете? Мне очень больно.

– Как часто идут схватки?

– Ну, точно я вам не скажу, часов у меня нет, но довольно часто, и боли сильные, и... ох, у меня заканчиваются монетки, сейчас нас разъединят. Собачий остров, Меллиш-стрит...

Разговор прервался.

Рут оделась и отправилась в кабинет, чтобы порыться в отчётах об осмотрах беременных. Кэтлин О’Брайан среди них не было. Возможно, женщина наблюдалась где-то ещё, но адрес этого учреждения можно было выяснить, только добравшись до Меллиш-стрит. Рут вывезла из сарая велосипед и уже почти тронулась с места, но вдруг остановилась. Может, взять с собой медицинские инструменты? Мало ли что! Она сбегала в кабинет и захватила сумку.

Рут катила по притихшим улицам и окончательно взбодрилась от холодного воздуха. Меллиш-стрит отыскалась легко – она была перпендикулярна реке. Здесь стояли грязноватые высокие дома, фонарей не было, и номера разглядеть не удавалось. Рут слезла с велосипеда, отсоединила фонарь и посветила на дом, надеясь увидеть табличку с номером. Это был дом двадцать. Она продолжила свой путь по булыжной мостовой, с трудом крутя педали.

Вдруг тишину нарушил женский голос:

– Вы медсестра?

– Да, я ищу дом сто сорок четыре.

– Вы меня ищете, золотце, как хорошо, что вы тут.

Этот мягкий ирландский акцент невозможно было не узнать. Беременная девушка застонала и привалилась к стене, сморщившись от боли. Она зажала себе рот руками, чтобы не закричать, и наружу вырвался сдавленный вопль. Рут подхватила её – это была совсем ещё юная девочка, едва ли старше восемнадцати, хрупкая и с огромным тяжёлым животом. Схватка была долгой и болезненной, но постепенно она сошла на нет, и девушка рассмеялась:

- Вот это было недурно! Мама-то мне не говорила, что будет так худо.
- Вам не следовало выходить на улицу.
- Да я боялась, что вы потеряетесь.
- Надо было послать кого-нибудь.
- Некого.
- Как, вы рожаете в одиночку?
- А что ж мне ещё делать?
- Так, ладно, пойдём в спальню, пока не началась следующая схватка.
- У меня комната на третьем этаже, и сейчас я себя нормально чувствую.

Рут подхватила сумку, взяла девочку за тонкую руку, и они вместе вошли в дом. Внутри царил крошечный мрак – пришлось вернуться к велосипеду за фонарём. Его свет выхватил из мрака узкую лестницу. Они проследовали мимо нескольких закрытых дверей, но здесь ничто не указывало на присутствие человека. На втором этаже девушка застонала и начала тяжело дышать, согнувшись пополам от боли. Рут встревожилась: возможно, наступил второй этап родов. Она подхватила Кэтлин и вдруг ощутила на ногах тёплую жидкость – у неё отошли воды.

– Быстро вверх, – командовала Рут. – Ещё один пролёт. Надо добраться до комнаты. Нельзя же вам рожать на лестнице.

Схватка прошла, и девушка улыбнулась.

– Да я дойду, сестричка, не беспокойтесь. Как не болит, так вроде и ничего.

Она на удивление легко преодолела ступеньки, и они вошли в тёмное помещение, стылое, словно могила.

– Хорошо, что у вас фонарь, – весело сказала Кэтлин, – а то у меня монеток хватало либо на телефон, либо на свет. Видать, сами ангелы подсказали мне выбрать первое.

При свете фонаря было видно, что это невероятно унылая, голая комната. У стены стояла грубая деревянная кровать, на провисших пружинах лежал грязный матрас с подушкой. Ни простыни, ни наволочки, только два серых армейских одеяла. Помимо кровати в комнате были только столик, стул и комод – ни ковра, ни занавесок. На столе стояла эмалированная миска и кувшин с холодной водой. Рядом с дверью висел счётчик. В те дни в большинстве домов и квартир за электричество надо было расплачиваться монетами с помощью таких счётчиков – когда оплаченный период заканчивался, электричество отключали. Каждая акушерка носила в кармане шиллинг, поскольку внезапно погасший свет в нашей работе мог привести к беде. Рут забралась на стул, вставила в счётчик монетку и повернула ключ. Лампочка под потолком тускло осветила комнату. Теперь можно было разглядеть роженицу – тонкие черты лица, рот прелестной формы, ярко-голубые глаза и потрясающие бронзовые волосы. Кэтлин сидела на кровати, держась за живот, и посмеивалась:

– Не верьте морякам! Вот что ждёт доверчивую девушку! Как вас звать, сестра?

– Рут.

– О, да так мою мать звать, а она говорит...

– Слушайте, Кэтлин, у нас нет времени на разговоры. Потом расскажете мне про маму. Ребёнок появится на свет уже скоро, раз у вас отошли воды. Раздевайтесь и ложитесь на кровать, я вас осмотрю. Где ваш родовой набор?

– Что это такое?

– Беременным выдают коробки со всякими вещами для домашних родов – простынями, ватой, полотенцами. У вас это есть?

– Нет.

– Вам должны были всё это выдать. Где вы наблюдались?

– Мне сказали вам позвонить, когда начнутся схватки.

– Это вы уже говорили. Кто вас осматривал во время беременности?

– Никто.

– Никто? То есть вас вообще не проверяли?

– Да я и не говорила никому, что беременна. Мама с бабкой точно б меня убили. Они вечно талдычили, не доверяй, мол, морякам, а я не послушала их, дурочка, вот и результат.

Кэтлин бодро похлопала себя по животу, но тут же поморщилась:

– Снова начинается...

Боль пронзила её тело, и она запрокинула голову – на лбу выступили капли пота, и по её лицу было видно, как все физические и умственные ресурсы брошены на одно немыслимое усилие.

Времени было мало. Рут вытащила из сумки стетоскоп, халат, перчатки и маску. Крышка контейнера с инструментами послужила подносом, где расположились лотки, банки, антисептические средства, ножницы, стерильная вода, шприц, иглы, вата и марлевые тампоны, катетеры и пинцеты. Кроме того, у акушерки были с собой хлоралгидрат, бромистый калий, опийная настойка и петидин в качестве обезболивающего. Также из сумки были извлечены зажимы для перевязки пуповины, присыпка и генцианвиолет для стерилизации.

Знания и опыт подсказывали Рут, что женщину, рожаящую впервые и не получившую никакого ухода во время беременности, следует немедленно везти в больницу. Но чтобы это устроить, пришлось бы спуститься на улицу к телефонной будке, а процесс должен был начаться уже вот-вот. Ребёнок мог бы родиться за время её отсутствия. Рут оглядела тоненький матрас из конского волоса, старые пружины... В комнате не было ни простыней, ни клеёнки, ни бумаги, ни впитывающих салфеток. Не было здесь и колыбельной, одежды для младенца или хотя бы детского питания. Помещение не отапливалось, и в нём царил жуткий холод. Кувшин с водой имелся – но согреть её было нечем. Освещения не хватало, а из дополнительных источников света наличествовал только велосипедный фонарь. Но акушерка учила импровизировать и находить выход из любых ситуаций.

Схватка прошла, и Кэтлин с облегчением вздохнула.

– Ох, так-то лучше. Вот когда немного отпускает, мне нормально.

– Мне следует послушать сердцебиение ребёнка и осмотреть вас. Нужно понять, сколько у нас времени. Прилягте, пожалуйста.

Рут ощупала живот роженицы, чтобы понять, как лежит плод. Сердцебиение слышалось отчётливо, и акушерка порадовалась, что малыш в порядке. Надевая маску и перчатки для вагинального осмотра, она сказала:

– Вы, кажется, не приготовились к родам. Здесь нет ни кровати, ни одежды.

– Ну у меня и времени-то не было, я только вчера из Ирландии.

– Что? Вы вчера приплыли на пароме?

– Да.

– Но вы же могли родить в пути!

– Могла, да не родила. Видать, ангелы за мной смотрели.

– А как же вы из Ливерпуля попали в Лондон?

– Меня подвёз водитель грузовика.

– Вы же могли разрешиться прямо в машине!

– Ангелы... – беззаботно пожала плечами Кэтлин.

– И когда вы приехали?

– Сегодня утром. Мне дали этот адрес и имя хозяина. Это единственное, чем мой морячок мне помог.

Кэтлин оглядела комнату и довольно улыбнулась.

– Поднимите колени, пожалуйста, и раздвиньте ноги. Мне нужно осмотреть вас. Воды отошли, и надо понять, насколько у вас раскрылась шейка матки и в каком положении ребёнок.

Но времени на вагинальный осмотр уже не было. Началась очередная схватка, и Кэтлин скорчилась от боли. Матка сокращалась всё сильнее, и боль нарастала. Рут восхищалась тем, как девочка справляется со схватками – за последние сутки её однозначно вымотала дорога в Лондон. Она наверняка устала, проголодалась, а в комнате не наблюдалось никакой еды. Ей не дали никакого обезболивающего, однако она не кричала и не жаловалась. Схватка стала сильнее, и тут Кэтлин непроизвольно задрала ноги и со стоном начала тужиться. Рут еле-еле успела прижать ладонь к показавшейся макушке младенца – чтобы ребёнок не появился на свет слишком рано.

– Кэти, не тужьтесь, пока не надо, пока рано. Нельзя, чтобы малыш родился быстро. Дыши, милая, часто-часто, вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, не тужьтесь, просто дышите.

Девочка послушалась, и схватка отступила. Рут облегчённо вздохнула.

– Со следующей схваткой ребёнок родится. Понимаю, вам хочется тужиться, но не начинайте, пока я не скажу. Надо, чтобы головка прошла медленно. Если вы будете чрезмерно тужиться, он появится слишком быстро. Понимаете?

Кэтлин слабо улыбнулась и кивнула.

– Можете повернуться на левый бок, лицом к стене? Так нам обоим будет проще.

Девочка кивнула и повернулась. В этот момент началась очередная схватка.

Рут встала на колени перед низкой кроватью с провисшим матрасом. Освещение было ужасное, но времени тянуться за фонарём не было. Кэтлин глухо застонала и зарылась лицом в грязную подушку, чтобы заглушить звук. Головка ребёнка чересчур быстро двигалась вперёд. Рут снова придержала её.

– Не тужься, Кэти, просто дыши. Давай, вдох-выдох, молодец!

Когда схватка стихла, Рут осторожно отпустила макушку и позволила ей немного продвинуться. Промежность натянулась, но продолжала удерживать младенца внутри.

– Ещё одна схватка, и ребёнок появится на свет. Постарайтесь не тужиться. Мышцы живота и так достаточно напрягаются, помощь им не нужна. Малыш выйдет наружу.

Кэти кивнула, но не смогла произнести ни слова, поскольку в этот момент началась схватка. Рут осторожно помогла головке преодолеть промежность.

– Теперь можете тужиться, Кэти.

Девушка начала тужиться, и головка появилась на свет полностью.

– Самое сложное позади, милая. Теперь будет минутка передохнуть, а потом – ещё одна схватка.

Рут наблюдала за тем, как головка слегка поворачивается. Следующая схватка не заставила себя долго ждать.

– Теперь тужьтесь что есть силы.

Рут ловко ухватила ребёнка под плечико, и его тело легко выскользнуло наружу, – акушерка пропустила его между ногами матери.

– Можете повернуться на спину, Кэти, и посмотреть на малыша. Это мальчик.

Кэтлин приподняла голову.

– Храни его Господь. Сын моряка. Он какой-то маленький, нет?

Младенец и в самом деле был маловат – меньше, чем Рут предположила во время бегового осмотра. Навскидку казалось, что он весил не больше четырёх фунтов⁷. «Наверняка Кэтлин тяжело работала и недоедала во время беременности», – с горечью подумала акушерка. Это было обычным делом. Рут зажала пуповину в двух местах и перерезала её. Теперь ребёнок стал отдельным человеком.

⁷ Примерно два килограмма. – *Примеч. ред.*

Но куда же его положить? Тут не имелось ни колыбели, ни одеял, мальчик был совсем крошечным, а в комнате царил холод. Его следовало согреть.

Рут положила его под руку к матери.

– Согревайте малыша своим телом. Есть во что его завернуть?

Кэтлин умиротворённо поглаживала своего сына и не обращала внимания на происходящее вокруг. Рут открыла верхний ящик комода – там лежало полотенце. Во втором ящичке обнаружилась пара свитеров. «Придётся обойтись этим», – подумала она и взяла свои находки. Ткань была холодной, но, к счастью, не сырой.

– Поднимите-ка голову и плечи на минутку.

Я хочу подложить вещи под вас, чтобы вы их согрели, прежде чем мы завернём в них ребёнка.

Рут накрыла мать и сына грязными серыми одеялами и присела рядом с кроватью. Прошло несколько минут. Она пощупала живот Кэти. Что-то пошло не так. Матка на ощупь была твёрдой, и у Кэти явно начиналась сильная схватка. Рут вскочила.

– Ещё один ребёнок! Не тужьтесь, что угодно, только не тужьтесь! Просто дышите, как раньше.

Кэтлин вся напряглась, и малыш у неё в руках мог пострадать. Рут резко выдернула из-под девочки полотенце и свитера, выхватила младенца, завернула его и положила в верхний ящик комода.

Сдёрнув одеяла, она увидела головку младенца и успела принять его.

Когда рождаются близнецы, второй ребёнок может появиться на свет довольно быстро – если он небольшой, лежит, как полагается, головой вперёд, а матка функционирует нормально. Родовой канал уже растянулся, и двух-трёх сильных схваток может быть достаточно. Второй малыш родился легко и быстро и несколько минут спустя уже лежал у матери на животе. Она потрогала его и произнесла, словно не веря в происходящее:

– Ещё один! Не может быть.

– Да, Кэти, у вас ещё один сын.

Кэти погладила его по головке.

– Ещё один сын, – сказала она слабо. На её лице появилось мечтательное выражение, тело обмякло после потуг, и голос звучал отстранённо. – Ещё один морячок. Бедный ты малыш. Где ж твой папа, а?

Он уплыл далеко в море, далеко-далеко в море...

Рут измерила пульс и давление Кэти – показатели были низкими, но в целом беспокоиться было не о чем. Она понимала, что ей повезло: во время родов не возникло ни одного осложнения, которое потребовало бы медицинской помощи или хотя бы второй акушерки.

– Вы здоровая девочка, – сказала она вслух. – Как вас так угораздило?

Кэти загадочно улыбнулся.

– Видели б вы того моряка! Кудри выются, глаза чёрные, как ночь, а уж улыбка! Я знала, что он меня бросит. Говорят же, не верьте морякам, а я, дуручка, не слушала... Теперь у меня самой два морячка. Что же скажет мама? А бабушка? Вот её я боюсь. Она строгая. Знали б вы её, сестра, тоже испугались бы.

Кэти устало вздохнула и закрыла глаза.

– Сил нет, – пробормотала она и тут же уснула.

Рут предстояло совершить немало дел – например, надо отделить ребёнка от матери, а единственную пару зажимов она уже использовала для первого младенца. Пришлось разрезать пополам кусок марли, туго перевязать пуповину в двух местах и перерезать между узлами. Наставница всегда учила её импровизировать.

Ребёнок был совсем крошечным, но выглядел здоровым и полностью сформировавшимся. Рут взяла его на руки, и он захныкал, перевернула его – и он завопил в полный голос.

«Это нам и нужно, – подумала она. – Поплачь ещё, малыш, лёгкие у тебя маленькие, а так они расправятся». Мальчик послушно кричал. Рут удовлетворённо кивнула и подложила его к матери, чтобы согреть.

Дальше она задумалась, что делать с новорождёнными. В идеале их с братом требовалось искупать, тщательно осмотреть, взвесить, измерить и положить в чистую колыбельку поближе к камину. Но тут не было ни горячей воды, ни мыла, ни чистых полотенец... Прежде всего следовало завернуть ребёнка во что-нибудь. Рут осмотрела комнату. В углу стоял шкаф – она с надеждой заглянула внутрь, но обнаружила только гору поломанных железок. Тут ей на глаза попала одежда Кэти – юбка, свитер и дешёвый тоненький жакет. Уже лучше. Вещи были ещё тёплыми, так что она завернула в них малыша и положила в средний ящик комода. Ничего себе ночка выдалась! Что же будет дальше?

Дальнейшие события, однако, превзошли её самые смелые ожидания.

Рут снова присела рядом с кроватью. У неё было время осмыслить ситуацию. После рождения близнецов мышцы матки растянулись и перетрудились, и может пройти до полутора, прежде чем очередная схватка исторгнет наружу плаценту. Кэти спала – её хрупкое, но сильное тело было совершенно измождено родами. Когда боль, наконец, сошла на нет, девушка уснула. Рут оперлась спиной о стену и взглянула на часы. Как странно идёт время! Менее часа назад она вылезла из постели, чтобы ответить на звонок! Акушерка попыталась восстановить случившееся в памяти – ночная дорога, девочка на улице, подъём по лестнице, воды и рождение ребёнка. Все эти события промчались словно при ускоренной перемотке. Да и что такое время? Одни говорили, что его не существует, другие – что прошлое, настоящее и будущее едины. Кто вообще разбирается во времени? Точно не она. А Кэти, по счастью, спала.

Рут ощупала верх живота роженицы и замерла от удивления. Матка по-прежнему была твёрдой. «Что-то не так, – подумала Рут. – Это не плацента».

Она осторожно пальпировала живот.

– Это точно не плацента. Не может быть... это же невозможно.

Рут приложила к животу Кэтлин стетоскоп и услышала сильное ровное сердцебиение. Во рту у акушерки пересохло, и ей пришлось присесть. Ещё один ребёнок! Нежданные тройняшки, никакого ухода во время беременности, никакой помощи – да и во всём доме, кажется, не найдётся никого, кого можно было бы послать за этой помощью. Рут поёжилась – то ли от холода, то ли от страха. Мысли лихорадочно метались – как пройдут третьи роды? Два раза ей уже повезло, но третий малыш может быть в любом положении – даже поперечном. Также не стоит исключать и лобное предлежание... Она потрогала живот, но не нащупала ни головы, ни ягодичек ребёнка. Сердце его билось со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту – довольно сильно, но для третьего малыша это может быть нормой. Рут никогда в жизни не доводилось принимать тройняшек, она даже не наблюдала подобные роды. Внутри неё всё онемело от страха. Будет ли третий младенец таким же здоровым, как первые два? У него могут возникнуть проблемы с дыханием или другие опасные для жизни осложнения – и всё из-за того, что внутренние органы недостаточно созрели. Плацента может выйти первой, и тогда малыш останется без материнской крови, или же может выпасть пуповина. Рут даже не знала, будет ли у Кэтлин одна плацента, две или три – заглянуть внутрь было невозможно, а пальпация не позволяла это определить.

После появления на свет второго ребёнка прошло уже полчаса, а новых схваток всё не было. Кэти мирно спала, но Рут буквально трясло от волнения. Если матка не сокращается, малыш может умереть. Оставить Кэти одну на десять минут и сбежать к телефону позвонить в больницу? Или лучше не рисковать? Она колебалась. Что менее опасно?

Ситуация разрешилась сама собой. Не просыпаясь, Кэти застонала от боли, и в этот момент электрический счётчик громко щёлкнул, и свет погас. Комната погрузилась во тьму. Пытаясь нащупать велосипедный фонарь на комод, Рут уронила его – пришлось ползать по полу в поисках. Кэти стонала и тужилась, но Рут ничего не могла сделать в темноте. Наконец она нашла фонарь и включила его – девочка, видимо, заснула и лежала спокойно. Рут подошла к кровати и отдёрнула одеяло. Между ног матери в луже крови лежал младенец. Рут устроила фонарь в изножье и взяла ребёнка – он был таким же маленьким, как и его братья, но выглядел абсолютно сформировавшимся и даже тихонько хныкал. Она перевернула его, и он закричал. «Это чудо», – подумала акушерка. Она снова перевязала пуповину марлей и перерезала её, после чего положила ребёнка на живот матери и укрыла их обоих, чтобы согреть. Больше вещей в комнате не было, так что она сняла второе одеяло с Кэтин, разрешила его, обернула одним куском младенца и положила его в нижний ящик комода. Оставшиеся куски одеяла она распределила между детьми, чтобы никто из них не замёрз, после чего почти полностью – но не до конца – задвинула ящики, чтобы избежать сквозняков.

Кэти мирно спала. Рут присела рядом и неуверенно ощупала живот – вдруг там ещё один ребёнок. Но нет: живот и матка были мягкими. Рут с облегчением вздохнула, но тут же напонила себе, что схватки ещё не кончились. Предстояла ещё завершающая стадия – самая сложная и опасная часть родов. Рут откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Это не сон? Возможно ли такое в реальности? Накануне вечером она загулялась, потом был насыщенный рабочий день, и в результате все последние сутки Рут почти не спала. Она чуть было не задремала, но совладала с собой. Акушерка подскочила и побрызгала в лицо холодной водой из кувшина. Это помогло ей собраться.

На то, чтобы закутать и разложить младенцев, ушло около двадцати минут, и за это время не было ни одной схватки. Нужно что-то решать. Рут взяла фонарь и направила его на кровать. Зрелище было жутким – в матрас впитывалась лужа крови и околоплодной жидкости. Но тут уж ничего не поделаешь – обычно акушерки стелили на кровать бумагу, впитывающие простыни, клеёнку, а сверху ещё простыни, которые постоянно менялись, но у Рут ничего с собой не было. Придётся оставить всё так, как есть. Она посветила на вульву. Пуповины были три, но сколько там плацент? Их тоже могло быть три – если малыши развивались из трёх яйцеклеток...

Рут знала, как опасны послеродовые инфекции – при других обстоятельствах она бы убрала из-под Кэти грязный матрас, помыла бы её, протерла вульву антисептиком, положила бы чистые впитывающие простыни и укрыла бы её, а также сама тщательно помыла бы руки и надела бы стерильные перчатки. Но всё это было невозможно. Кроме того, она знала, как важно поддерживать тепло – во время родов женщина потеет, теряет много энергии и легко может замёрзнуть. Но в распоряжении у акушерки было только одно тонкое одеяло.

В отчаянии Рут посветила фонарём по комнате и увидела своё пальто. Сгодится. Она закутала им девушку. Кэти дышала глубоко и ровно, показатели пульса и дыхания были низкими, и цвет лица тоже был в норме. Схватки прекратились, и матка на ощупь была именно такой, как надо.

В то время завершение родов оставляли на откуп природе. Акушеркам советовали не вмешиваться в естественный процесс отделения плаценты от стенки матки. В наши дни сразу же после рождения ребёнка женщине делают укол, стимулирующий схватку, которая помогает плаценте отделиться, и через несколько минут всё уже позади. В те времена такого не было – нашими орудиями были терпение, опыт, наблюдательность и тщательно спланированное бездействие. Нам говорили: из-за попытки ускорить завершающий этап возрастает риск, что плацента отделится лишь частично, и возникнет отёк. Нас учили никогда не тянуть за пуповину и массировать дно матки только после начала схватки и только в случае крайней необходимости.

Рут осторожно присела рядом с кроватью и положила руку Кэти на живот, чтобы проверить, что происходит с маткой. Свет фонаря потускнел, и дабы сэкономить батарейку, она погасила его, и в комнате наступила темнота. Прошло двадцать пять минут, ничто не указывало на начало схватки, и Рут встревожилась. «Видимо, придётся оставить Кэти в одиночестве и отправиться за помощью», – подумала она. Но в этот момент матка напряглась, и акушерка почувствовала, что процесс идёт. Кэти застонала и заёрзала.

– Началось, – сказала Рут, включила фонарик и потрясла девочку. – Просыпайтесь. Теперь тужьтесь изо всех сил. Просыпайтесь и тужьтесь. Подтяните колени к груди, чтобы получилось сильнее, как будто пытаетесь прочистить кишечник. Давайте, сильнее!

Кэтлин следовала указаниям. Ощупав матку, Рут пришла к выводу, что плацента отделилась и лежит в нижнем отделе. Дно матки поднялось ещё сильнее и по-прежнему было твёрдым на ощупь.

– Теперь расслабьтесь, Кэти, опустите ноги и дышите глубоко. Постарайтесь полностью расслабиться. Я сейчас нажму вам на живот. Будет неприятно, но не больно.

Рут осторожно, но сильно надавила на живот левой рукой, чтобы дно матки сработало как клапан, а правой взялась за пуповины и вытянула плаценту из вагины. К ней были прикреплены две пуповины, а третья уходила внутрь – значит, там осталась ещё одна плацента.

Рут принялась энергично массировать дно матки, и у Кэти началась ещё одна схватка.

– Снова тужьтесь. Надо всё вытащить.

– Что происходит? – тихо простонала бедная Кэти.

– Потом объясню. Тужьтесь что есть мочи.

Девочка натужилась, и через несколько минут последняя плацента выскользнула на матрас.

На кровати лежала большая кровавая масса. Рут переложила её в лоток и поставила на стол. Обследовать ткани ей не удалось, поскольку фонарик уже еле-еле светил.

Теперь Кэти окончательно проснулась.

– Что происходит? – спросила она. – У меня двойняшки? Где они?

Она оглянулась.

– А вот и нет. У вас тройняшки, и они в комоде.

– Тройняшки! Три ребёнка, что ли?

– Да.

– Но как?

– Вы обессилели и уснули после второго малыша, и третий выскользнул из вас почти без усилий. Вы даже не проснулись. Я не видела, как всё произошло, потому что уронила фонарик, а верхний свет уже не горел.

– И у меня теперь трое детей?

– Да. Три мальчика.

Кэти откинулась на подушку и вздохнула, словно не веря в реальность происходящего.

– Господи боже, да что ж моя мама теперь скажет! Внебрачные тройняшки! Вот и верь после этого морякам!

Рут навела порядок и уехала обратно в Нон-натус-Хаус. Кэти с детьми поместили в городскую больницу. У девочки никого не было, а в одиночку она не управлялась бы с детьми в той комнате. У неё не было ни денег, ни одежды, ни отопления, ни даже еды, а младенцы были совсем крохотными.

Мы так и не узнали, что случилось с ними впоследствии. Если моряка не удалось найти и заставить жениться на Кэти и содержать детей, их вряд ли ожидало что-то хорошее. По-хорошему, девушке стоило вернуться к родным, но в сельской Ирландии середины века многие семьи отказывались от незаконнорождённых внуков – боялись нищеты и осуждения. Малышам предоставляли места в лондонских яслях, но предполагалось, что мать живёт

отдельно и сама зарабатывает себе на жизнь. Кэти вряд ли бы удалось прокормить себя и сыновей. Мальчиков могли бы усыновить, но шансов, что кто-то взял бы их втроём, было немного, а значит, их, скорее всего, разделили, и они выросли, не зная, что у них есть братья.

Хотя мне не удаётся придумать счастливого окончания этой истории, Кэти была полна энтузиазма, и, возможно, жизнь пощадила её. Может, всё обошлось. Будучи медиками, мы встречаем людей в самые драматичные моменты их жизни и зачастую привязываемся к ним. Но они покидают нас, уходят, словно корабли в ночи, и больше мы о них ничего не знаем.

Синтия

Как-то раз после утреннего обхода я ехала обратно в Ноннатус-Хаус. Напевая себе под нос, я лавировала между грузовиками на Ист-Индия-Док-роуд на своём стареньком «Ралее» – тяжёлом, словно сделанном из свинца, с двумя неработающими передачами из трёх, – и тренировалась отпускать руль на ходу. Вдруг я заметила впереди себя Синтию – она ехала куда медленнее, и её велосипед вилял по дороге. Я весело окликнула её, но когда мы поравнялись, увидела, что моя коллега плачет, и встревожилась:

– Что случилось, милая?

Лицо Синтии сияло от слёз. Мимо нас прогрохотал грузовик: водитель непрерывно жал на клаксон и изрыгал проклятия.

– Так, давай-ка съедем на обочину, пока нас не задавили. Что произошло? Рассказывай. Первый раз вижу тебя такой.

В нашей компании Синтия считалась самой мудрой и взрослой и часто выступала в роли миротворца. Странно было встретить её в слезах посреди улицы. Я протянула ей свой носовой платок.

– Ребёнок умер, – прошептала она.

– Не может быть! – ахнула я.

Синтии не было всю ночь – она вернулась только к завтраку, усталая, но радостная, и рассказала, что роды прошли успешно и на свет появился здоровый маленький мальчик. В шесть утра она оставила маму с сыном в абсолютно нормальном состоянии и должна была вернуться через четыре часа. В половине девятого я ушла на утренний обход. Синтия в это время мыла и стерилизовала инструменты и делала записи, чтобы вернуться к матери с новорождённым к десяти утра.

– Что случилось? – спросила я, когда она чуть-чуть оправилась.

– Я поехала обратно, – начала рассказывать Синтия. – Мне и в голову не пришло, что что-то может пойти не так. Дверь была открыта, я вошла и увидела, что все плачут. Мне сказали, что малыша не стало. Я пошла и осмотрела его сама – он действительно умер и уже успел остыть.

– Но как? Почему?

– Не знаю.

Она высморкалась и вытерла глаза.

– Не знаю, не понимаю... – произнесла она и вновь залилась слезами.

– Слушай, пойдём домой, только лучше не залезай на велосипед, а то ещё упадёшь.

Давай я поведу.

Мы двинулись обратно. Я катила оба велосипеда – жест благородный, но довольно бессмысленный. Вы когда-нибудь пробовали одновременно везти два велосипеда по мостовой, переполненной людьми, колясками и детьми? Вскоре Синтия плакала уже от смеха.

– Давай-ка мой велосипед, пока ты кого-нибудь не покалечила.

Долгое время мы шли молча. Я не знала, уместно ли задавать вопросы или лучше помолчать, но наконец Синтия сама сказала:

– Они его забрали.

– Кто? Врачи?

– Нет, полицейские.

– Полицейские? Зачем?

– Вскрытие. Родители были против, но они сказали, что так полагается по закону, если смерть наступила внезапно и без видимых причин, – голос её дрогнул, и она снова заплакала. – Не знаю, может, это я что-то не так сделала... Постоянно вспоминаю, как всё проис-

ходило: мальчик родился, тут же закричал, я прочистила ему дыхательные пути, перерезала пуповину, всё было стерильно. Конечности двигались нормально, позвоночник был прямой, дышал он нормально, сосательный рефлекс присутствовал... Я ещё подумала, что ребенок просто идеальный. Не понимаю, почему он умер. Неужели я виновата?

Синтия поёжилась. Было заметно, что она шагает с трудом. В этот момент переднее колесо её велосипеда врезалось в автобусную остановку, из-за чего руль резко повернулся, и бедняжка налетела на него грудью и вскрикнула от боли. Мы выкрутили руль обратно.

– Перестань, ты всё правильно сделала. Ты же лучшая акушерка среди нас. Я уверена, что ты тут ни при чём.

– Нельзя быть уверенной, – прошептала она. – Поэтому и нужно вскрытие.

Некоторое время мы шли молча. Мне не хотелось мешать её размышлениям, но я всё же не удержалась от вопроса:

– А как ты поступила, когда увидела, что он мёртв?

– Попыталась сделать искусственное дыхание, но было уже поздно.

Она вся дрожала, и я с трудом разбирала её слова.

– Давай свернём на какую-нибудь улицу потише, – предложила я. – Шум раздражает. Там всё и расскажешь.

Мы завернули за угол и продолжили путь по более тихой улочке. Здесь на тротуарах играли дети, а женщины мыли пороги или вытряхивали коврики. Некоторые здоровались с нами.

– Я побежала к телефонной будке, – продолжила Синтия, – и позвонила сестре Джулианне. Она сразу же приехала, и тут я немного успокоилась. Сестра окрестила ребёнка, хотя он уже умер, мы помолились с родственниками, а потом она пошла говорить с врачами и полицейскими, а я осталась сидеть с остывшим малышом.

Синтия снова расплакалась, и я обняла её.

– Долго ждать не пришлось, врач осмотрел тело и сказал, что не видит никаких причин для внезапной смерти, но, чтобы оформить свидетельство, понадобится вскрытие. Родственники были в ужасе и говорили, что не хотят, чтобы их ребёнка резали, и просили тихо похоронить его по-христиански, но доктор объяснил, что пока это невозможно.

Мы обошли компанию девочек, играющих в классики.

– Пришли два полицейских, поговорили с врачом, все записали. Потом начали допрашивать меня. Это был кошмар. Они не грубили и не давили, но всё равно, когда тебя спрашивают о смерти и записывают каждое твоё слово... ужасно. Видимо, я была белой как мел, потому что доктор принялся меня утешать и говорить, что я ни в чём не виновата. Меня попросили рассказать, что мне известно, и забрали подписанные мною бумаги. Кажется, я всё правильно заполнила. Не знаю. Это всё напоминает дурной сон.

Синтия выглядела очень плохо.

– Тебе нужна чашечка горячего чая, – сказала я. – Смотри, мы уже почти пришли. У тебя усталый вид.

– Видимо, из-за шока.

– Надо думать!

– А ещё мне холодно.

– Неудивительно. Ты вообще спала прошлой ночью?

– Пару часов, потом меня разбудили.

Мы дошли до Ноннатус-Хауса. Я занялась велосипедами, а Синтия сказала, что прежде всего ей надо доложить сестре Джулианне.

В сарае я встретила сестру Бернадетт, которая пристёгивала свой велосипед.

– А, сестра Ли, я как раз хотела с вами поговорить. Это вас я сегодня видела едущей по Ист-Индия-Док-роуд?

– Что? Ну, может быть...

– Вас, вас. Остальные не позволяют себе кататься, отпустив руль, по главной улице. Если я не ошибаюсь, вы при этом пели?

– Пела? Не уверена, уже не помню, но может быть.

– Пели, пели. Значит так, сестра Ли, вы не уличная девчонка, а взрослая женщина, и не можете себя вести подобным образом. Это неприлично и просто-напросто недопустимо! Вы наносите урон нашей репутации.

– Простите, сестра.

– Впредь не позволяйте себе таких шалостей.

– Нет, сестра, конечно.

Но, разумеется, я и дальше вела себе точно так же – и сестра Бернадетт прекрасно об этом знала!

Синтия не пришла на обед. Её отправили в постель с парой таблеток аспирина и кружкой горячего шоколада. Сестра Джулианна прочла молитву, а когда мы расселись, рассказала нам о случившемся.

– В шесть утра он, значит, жив-здоров, а в десять уже остыл, – проворчала сестра Евангелина. – Как по мне, так его придушили втихаря.

Сестру Джулианну подобное предположение шокировало.

– Ну что вы, сестра, этого не может быть! Это прекрасное семейство, они мечтали о ребёнке и никогда бы так не поступили.

– Не знаю, не знаю, тут ни в чём нельзя быть уверенной. Подобными секретами не делятся. Нежеланных детей, знаете ли, частенько душат, таких историй пруд пруди! Отчаявшиеся люди и не на такое готовы.

– Но это совсем другая ситуация, – ответила сестра Джулианна. – Соглашусь, в прежние времена голодающая семья могла решиться на убийство младенца, но эти дни давно позади.

Мы с Чамми и Трикси слушали, затаив дыхание: наши семьи принадлежали к среднему классу, и мы никогда не слышали о подобных историях. Но сестра Евангелина родилась в 1890-е годы в трущобах Рединга и повидала такую нищету и лишения, какие нам и не снились.

– Разве их не арестовывают? – спросила Чамми.

– Обычно нет, – ответила сестра Евангелина и оглядела нас троих. – Эх вы, молодые, ничего не знаете о жизни! Тогда рождалось и умирало столько детей, что никто и не замечал, если их становилось на несколько штук меньше. Особенно, если рожали дома, без врача. Можно было сказать, что ребёнок родился мёртвым, и все дела.

– Но зачем? – спросила Трикси.

– Говорю же, во всём виновато отчаяние. У людей не было ни еды, ни денег, ни крыши над головой. Почитайте учебники истории!

Сестра Евангелина была крайне грозной особой, вспыльчивой и гневливой. Мы старалисьшний раз не задевать её.

Сестра Моника Джоан, аристократичного вида дама девяноста с лишним лет, чей разум был уже не вполне ясен, в тот день ела очень мало. Она поклевала пюре с луковой подливкой, которое ей с любовью приготовила миссис Би, отставила тарелку и принялась крутить в руках ложку, зажав её между большим и указательным пальцем и оттопырив три остальных на манер веера. Она следила за тем, как ложка отбрасывает блики на окружающих, и тихо хихикала.

– Поверну тебя вверх ногами, а теперь обратно, и у тебя стало толстое лицо... хи-хи, теперь, наоборот, узкое! Очень весело, взгляните-ка.

Казалось, она была совершенно поглощена этим занятием и собственными мыслями и не обращала внимания на разговор вокруг. Это было не так.

Сестра Моника Джоан обладала безошибочным театральным чутьём и умела точно выбрать момент. Она вдруг со звоном уронила ложку, и все мы подпрыгнули. Теперь она оказалась в центре внимания, и наслаждалась этим. Поочередно смерив нас ледяным взглядом, она сообщила:

– Я сталкивалась с несколькими случаями подобного рода, вернее сказать, я несколько раз была практически уверена в том, что детей удушили, но не смогла это доказать.

Она оглядела стол, чтобы убедиться в том, что произвела эффект.

– К нам в монастырь – не в этот, а в тот, который разбомбили, – как-то раз пришла горничная, очень милая, из хорошего дома. Несколько месяцев спустя стало ясно, что она беременна. Ей было всего четырнадцать. Мы были потрясены, но с разрешения матери оставили её у себя до родов. Потом одна из наших сестёр приняла роды в их домике. Всё прошло хорошо – если можно так выразиться о незаконнорождённом ребёнке в приличной семье. В любом случае, когда сестра уходила, мать и младенец были живы и здоровы. Несколько часов спустя в монастырь принесли записку, в которой говорилось, что малыш скончался. Сестра пошла к ним и обнаружила младенца мёртвым, а мать – крепко спящей. Её никак не удавалось разбудить – похоже было, что она приняла лауданум. Провели расследование, но всё безрезультатно.

Сестра Моника Джоан вновь подняла ложку и покрутила её.

– Всё зависит от угла зрения, не так ли? Мы смотрим на ситуацию по-своему и считаем, что наш взгляд верен. Но если немного сместить фокус... – она повернула ложку. – Всё уже кажется совсем другим. Зачастую смерть ребёнка становилась избавлением, а не трагедией.

– Совершенно верно, – проворчала сестра Евангелина. – Если в семье уже имелась полдюжина голодных ртов, а работы и еды не было, это считалось настоящим избавлением.

– Нищета. Отчаянная, беспросветная нищета, – сестра Моника Джоан продолжала разглядывать отражения в ложке. – Мы были величайшей империей, что когда-либо видел мир. Богатейшей нацией в мире. Но стоит лишь немного повернуться, и мы увидим взрослых, которые настолько отчаялись, что убивают собственных детей.

– Вы, должно быть, преувеличиваете, – недоверчиво сказала сестра Джулианна.

Сестра Моника Джоан повернулась к ней и приподняла бровь. В этот момент она напомнила посла бедняков всего мира!

– Я не говорю, что это случалось повсеместно или часто. Но случалось. Вы слишком молоды, чтобы помнить, в каких условиях жили рабочие. Люди тысячами ютились в трущобах без туалета, мебели, отопления, одеял. Единственным источником воды был дождь, который лил через прохудившуюся крышу. Кроме того, им вечно недоставало еды.

Я не преувеличиваю, я всё это видела. И таких улиц были сотни! Бесконечные ряды трущоб, в которых теснились тысячи и тысячи людей. Почитайте книги Уильяма Бута⁸ или Генри Мэйхью⁹, если не верите! Конечно, дети постоянно умирали, и конечно, иногда им помогали доведённые до ручки родители! Как же иначе?

Мы с Трикси и Чамми потрясённо молчали. Рассказ сестры Моники Джоан, весь её вид настолько впечатлили нас, что мы буквально лишились дара речи. Молчание нарушила сестра Джулианна:

⁸ Уильям Бут – британский проповедник, основатель Армии спасения и её первый генерал. – *Примеч. ред.*

⁹ Генри Мэйхью – британский исследователь, журналист и драматург. – *Примеч. ред.*

– Поблагодарим же Господа, что эти дни в прошлом. Нашей стране больше не грозит подобная бедность, хотя от неё страдают в других частях света, особенно после войны. Мы будем молиться за этих людей.

В этот момент миссис Би принесла пудинг и передала его сестре Джулианне. Миссис Би была настоящей королевой кухни – превосходной и опытной поварихой.

– Я приготовила сестре Монике Джоан сладкий творожок с клубникой, я знаю, что она его любит больше всего.

– О, замечательно!

В мгновение ока сестра Моника Джоан превратилась в маленькую девочку, предвещающую праздничное лакомство. Она больше не вспоминала о гибели детей, а я твёрдо решила при случае почитать работы Уильяма Бута и Генри Мэйхью.

Когда Синтия спустилась к чаю в четыре часа, она выглядела отдохнувшей, но по-прежнему печальной. Вечером и на следующий день она, как обычно, вышла на обход, но мы видели, что смерть ребёнка тяготит её.

Отчёт о вскрытии прибыл неделей позже. Причиной смерти стал ателектаз, то есть не болезнь и не повреждение. Пока младенец находится в материнской утробе, его лёгкие не расправлены. С первым вдохом после родов лёгкие расправляются и наполняются воздухом. Иногда они наполняются не полностью, и это состояние может сохраняться несколько часов или дней.

Ребёнок, которого принимала Синтия, родился в срок и после родов жадно вдохнул, хотя в этот момент его лёгкие, возможно, работали лишь в три четверти своей силы. Цвет его кожи, пульс и движения не позволили заподозрить что-либо неладное. Однако младенцы – очень хрупкие существа, и пока он спал, ему, видимо, приходилось прилагать слишком много усилий, чтобы дышать. Вдохи становились всё незначительнее, пока нижние доли лёгких не закрылись полностью. После этого они опали, и ателектаз распространился. Поверхностное дыхание одними лишь верхними долями лёгких не даёт телу достаточно кислорода. Ребёнок дышал всё слабее и реже, пока его лёгкие окончательно не опали и он не умер.

Прочитав отчет о вскрытии, Синтия испытала огромное облегчение. Там подтверждалось, что при первых вдохах лёгкие малыша расправились, но впоследствии, за четыре часа, которые он провёл с матерью, полностью опали. Почему мать ничего не заметила (например, затруднённого дыхания, бледности, падения мышечного тонуса) и не подняла тревогу, оставалось неизвестным.

Синтию ни в чём не обвиняли, и в процессе родов и послеродовых процедур не было обнаружено никаких ошибок. Впрочем, этот случай сильно повлиял на чувствительную девушку, и она постоянно задавалась вопросом: «Могла ли я что-нибудь сделать?» Ей нескоро удалось справиться с этой травмой.

Пропавшие дети

Кажется невероятным, что новорождённые дети могут пропадать бесследно, но на деле это было распространено – всё зависело от того, кто знал о беременности, о родах, и от того, были ли эти роды зарегистрированы.

Испокон веков новорождённых записывали в приходской книге, но это не было обязательной практикой. С 1837 года родителей принудили регистрировать рождение ребёнка, но на то, чтобы ввести этот закон повсеместно, ушло почти сто лет. Из-за того, что врачей не хватало, а медицинские услуги стоили недёшево, тысячи детей рождались и умирали незарегистрированными. Если младенец умирал вскоре после рождения, семьям было проще объявить их мертворождёнными, и так было до 1929 года.

В 1870-е подсчитали, что в год в Великобритании рождается приблизительно миллион двести пятьдесят тысяч детей, и только десять процентов рожениц получают медицинскую помощь (в другом исследовании цифра была ещё ниже – три процента). Таким образом, около миллиона женщин в год рожали без какой-либо помощи врачей. Показатели смертности в те годы впечатляли: было подсчитано, что в бедных районах материнская смертность составляла примерно двадцать пять – тридцать процентов, а детская – пятьдесят – шестьдесят. Эти данные были собраны теми, кто пропагандировал необходимость обучения акушерскому делу.

Первый Закон об акушерках был принят в 1902 году. До этого момента никто, как правило, не получал специальное образование – любая могла назваться акушеркой и принимать роды за деньги. Иногда таких женщин также называли «мастерицами», поскольку к ним обращались по самым разным вопросам. С точки зрения закона и общественных приличий их деятельность осуществлялась в теневой зоне и являлась сугубо частной практикой: акушерки ни перед кем не несли ответственности за свои действия. На рубеже веков в Великобритании практиковали около сорока тысяч таких «мастериц» – многие из них называли себя акушерками. Некоторые происходили из семей, где знания об акушерстве передавались из поколения в поколение, и это были грамотные и добросовестные специалистки. Другие же работали кое-как и зачастую были совершенно безграмотны. Многие роженицы, впрочем, не могли позволить себе услуги даже такой помощницы и рожали сами, в присутствии подруги или матери. Дородовый уход отсутствовал даже в состоятельных семьях, и сам факт беременности нигде не регистрировался.

Подобный недостаток внимания со стороны врачей приводил к тому, что порой никто, кроме ближайшего семейного круга, не знал о рождении или смерти ребёнка, а у этих родственников могло быть множество причин, чтобы хранить молчание.

Чаще всего появление малыша скрывали потому, что он был незаконнорождённым. Нынешняя молодёжь и вообразить себе не может, каким позором раньше считалось появление внебрачного младенца – это было такой катастрофой, что девушки иногда предпочитали покончить с собой, чтобы утаить беременность. Множество несчастных женщин прятали живот под юбками, трудились до самых схваток, рожали без чьей-либо помощи, а на следующий день снова отправлялись на работу. Если сама мать не регистрировала рождение ребёнка – кто ещё мог это сделать? Если младенец умирал, что происходило нередко, – кто бы об этом узнал? Обеспеченные семьи более элегантно скрывали, что их дочери сбились пути, – их могли объявить «умалишёнными» и отправить до скончания дней в сумасшедший дом. Ребёнка же отдавали на усыновление или помещали в сиротский приют, и честь семьи таким образом оставалась незапятнанной.

Смерть младенца скрывали ещё и потому, что похороны считались дорогим мероприятием. Погребение стоило немалых денег, и представительницы рабочего класса каждую

неделю откладывали по несколько пенни. Общая могила для нищих считалась позором, и всякая уважающая себя женщина опасалась, что соседи, узнав о подобном, не сдержат своего презрения. Но у многих просто не было денег, и несчастной, угодившей в подобную ситуацию, зачастую было проще притвориться, что ничего не произошло, и украдкой сбросить маленькое тельце в реку. В 1950-х мне довелось ухаживать за женщиной, которая поступила так тридцатью годами ранее.

Если стоимость похорон или регистрации ребёнка была непомерной для бедных людей, что говорить о настоящих нищих?

В 1880 году на ступенях похоронного бюро на Лонг-Лейн в районе Бермондси в восточной части Лондона нашли коробку с девятью трупами младенцев. Об этом сообщили во всех газетах. Присутствовали ли при рождении этих детей врач или акушерка? Были ли младенцы зарегистрированы? Удалось ли найти родителей или хотя бы матерей? Нет, нет и нет. Эти девять малышейполнили ряды безымянных ребятишек, оказавшихся в общей могиле для отпрысков отчаявшихся, голодных людей – тех, кого не учитывают в переписях. Чарльз Бут (1844–1916), первый специалист по социальной статистике, подсчитал, что в Лондоне было около двухсот пятидесяти пяти тысяч бедняков, а во всей Великобритании – миллион девятьсот пятьдесят тысяч. Дальнейшие исследования показали, что эта цифра была очень приблизительной: в реальности же количество нищих приближалось к трём миллионам.

Другая причина, почему скрывали рождение ребёнка, – его очевидная физическая или умственная неполноценность. В данном случае бедняков охватывал страх – они боялись, что им придётся содержать больного, который так никогда и не начнёт вносить свой вклад в семейный бюджет. Кроме того, они опасались общественного осуждения – принято было думать, что врождённые дефекты появляются из-за того, что у всего рода «в крови» что-то дурное, а значит, от такой семьи нередко отворачивались все соседи. Ребёнка могли просто бросить умирать (возможно, с молчаливого согласия матери или женщины, помогавшей при родах), а потом заявить, что он был мертворождённым. Отец мог ничего и не знать о произошедшем, поскольку в те дни мужчины редко вникали в эти процессы. «Женские дела» были табуированной темой, и сами женщины замалчивали её так же, как и мужчины.

В высших классах – аристократических и королевских семьях – особенно опасались клейма, возникавшего из-за появления на свет больного ребёнка. Это могло привести к слухам о так называемой «порченой крови», и потому в высших классах тоже порой душили новорождённых.

Нищета приводила к тому, что детей просто-напросто бросали. Мы то и дело слышали подобные истории – хотя я и не знаю, насколько они все реальны. В Попларе говорили, что в Лаймхаусе (на его месте мог быть Боу, Миллуолл или любой другой район) живут жуткие люди, и там то и дело находят брошенных младенцев. В Лаймхаусе, впрочем, то же самое говорили про Поплар. Создавалось впечатление, что детей было принято подкидывать на чужие пороги буквально во всех частях города. Однако мы сами никогда с подобным не сталкивались, и в 1950-е на ступенях монастыря ни разу не оставляли младенцев. Я знакома с женщиной, которая родилась в 1940 году в Манчестере, и она была именно таким ребёнком – её нашли как-то утром на крыльце рядом с бутылками с молоком. Девочка была больна, но подобранные её супруги оплатили её лечение, хотя сами были бедны, и содержали, пока она не выросла.

Есть множество достоверных свидетельств того, что в прошлом младенцев регулярно оставляли у дверей рабочих домов или сиротских приютов. Работные дома давали этим младенцам имена и регистрировали их как детей «неизвестных родителей».

Уильям Бут в своей работе «Тёмная сторона Англии»¹⁰ пишет, что отчаявшиеся молодые матери иногда буквально силком впихивали новорождённых младенцев девушкам из Армии спасения, говоря при этом, что сами ничего не могут им дать. Мол, так у детей будет хотя бы шанс на лучшую жизнь. Такие женщины растворялись в толпе, не оставляя ни своего имени, ни адреса.

Детоубийство – это ужасно. Действительно ли оно было привычным делом, пока беременность и роды не стали контролировать профессиональные акушерки? За подобные преступления полагалась смертная казнь, поэтому такие секреты скрывали изо всех сил. Сомневаюсь, что женщина способна была хладнокровно убить своего новорождённого младенца, но отчаяние и нищета могли вынудить поступить так, например, бабушку ребёнка. История полна мрачных примеров. Помню, как несколько лет назад я прочла историю шотландки, которая жила в горах и скончалась в девяносто три года. После её смерти выяснилось, что она утопила семерых детей своей слабоумной незамужней дочери. В ходе расследования обнаружили захоронения на их участке. Это осталось незамеченным в далёком шотландском районе – значит, могло сойти с рук и в столичных трущобах, особенно в прошлом. Такие вещи, должно быть, случались повсеместно, и никто о них не знал.

Убивали ли детей отцы? Неизвестно. Одна из наших старших сестёр была в этом уверена.

Я не считаю, что мужчины являются воплощением мирового зла, но, возможно, нищета подтолкнула на такой шаг и кого-то из них. На мой взгляд, несчастный случай гораздо вероятнее убийства. Организм новорождённого – очень хрупкий. В тесноте легко случайно уронить ребёнка или уронить что-нибудь на него, и это может стать причиной гибели. Кроме того, иногда детей нечаянно давили во сне. Не следует также забывать, что домашнее насилие было неотъемлемой частью жизни в некоторых семьях. Женщин и детей регулярно били, и случайный удар мог легко погубить малыша. В этом случае мать предпринимала все возможные усилия, чтобы скрыть происшествие, и если ребёнок не был зарегистрирован, ей это удавалось. Если отца, добытчика, обвинили бы в убийстве, его ждала бы виселица или же, если судья проявил бы снисходительность, ссылка. В любом случае, семья лишилась бы финансовой поддержки.

Впрочем, не все исчезающие дети погибали. Чем богаче была семья, тем больше у них могло быть причин скрыть рождение нежелательного ребёнка. Мать могла запереть дома беременную дочь, принять роды с помощью «мастерицы», избавиться от младенца, и никто ничего бы не узнал. Благородная дама, конечно, не могла бы просто принести новорождённого в работный дом или приют – его бы никто не взял, а соседи мигом бы всё пронюхали. В этих случаях малыша втайне отдавали опекунам. Многие «мастерицы» работали по договорённости с такими людьми, служили посредниками и принимали деньги от обеих сторон.

Я знала женщину, чья дочь в двадцать четыре года родила внебрачного ребёнка. На дворе был 1949 год, то есть всё произошло не так давно. Женщина самодовольно сообщила, что, естественно, сразу забрала новорождённого:

– Я не разрешила дочери и взглянуть на него. Ребёнка отдали в приют.

Видимо, это был частный коммерческий приют, поскольку на самом деле мальчик не являлся сиротой – его родители были известны и пребывали в добром здравии.

Десять лет спустя я присутствовала на родах у юной девушки в Попларе. Её мать безостановочно повторяла, что отдаст его «куда следует». В какой-то момент она приказала мне выметаться и заявила, что сама примет младенца и избавится от него. Не знаю, что она планировала, но, видимо, у неё была возможность отделаться от нежеланного ребёнка в рамках закона.

¹⁰ In Darkest England and The Way Out (англ.). – Примеч. ред.

Уровень жизни в таких частных приютах полностью зависел от опекунов. Моя знакомая семидесяти пяти лет была таким незаконнорождённым ребёнком – её передавали из одной приёмной семьи в другую, пока, наконец, она не поселилась у одинокой дамы, которая полюбила её и стала ей другом на всю жизнь. И наоборот, в Клэпхеме в 1920-е годы осудили женщину, содержавшую в подвале дома восьмерых детей (за каждого из них ей заплатили) в пяти кроватках. Там были и новорождённые, и трёхлетки: старшие не умели ходить, поскольку всю жизнь провели лёжа, и разговаривать – они почти не слышали человеческой речи.

Древность истории торговли детьми сравнима с историей грехов человеческих. Джо-зефин Батлер¹¹ пишет в своих воспоминаниях, памфлетах и дневниках второй половины XIX века, что встречала тысячи (да, *тысячи*) девочек в лондонских борделях – некоторым из них было всего 5–6 лет. Это было душераздирающее зрелище. Такие дети жили не дольше двух лет, но хозяйки борделей поставляли всё новых и новых для своих богатых клиентов. «Чистые» дети, то есть не страдающие венерическими заболеваниями, стоили дорого. Эти случаи подробно описаны, но, как ни странно, миссис Батлер не сообщает о мальчиках, хотя торговля ими также наверняка процветала.

Откуда же поступали все эти ребятишки? Явно не из Армии спасения, работных домов, государственных приютов или таких пансионов как Корам, Барнардо или Сперджен. Так откуда же?

Основной закон экономики гласит, что спрос создает предложение. Если борделям требовались «чистые» дети, беспринципные женщины, содержавшие частные приюты, поставляли таких детей за деньги. Никто не задавал вопросов. У многих малышей не было имён, регистрации, а для остальных выписывали фальшивые свидетельства о рождении. Родители и родственники не знали, что произошло с их ребёнком, – он просто исчезал, будто никогда и не появлялся на свет.

Во время демографического взрыва XIX века оголодавшие матери периодически продавали детей. Это приводило к ужасным последствиям – покупатели оформляли опеку, страховали жизнь таких ребятишек, а потом морили их голодом и после смерти подопечного получали страховку. Есть много записей о подобных случаях. Доктор Барнардо, например, как-то раскусил безжалостную старуху, которая приобрела троих детей, застраховала их, продала их одежду и бросила умирать от голода и холода.

Подобные вещи тяжело читать – особенно если вы всерьёз интересуетесь семейной историей. Однако жизнь в равных пропорциях состоит из счастья и горя, и мы бессильны это изменить.

¹¹ Джо-зефин Батлер (1828–1907) – британская активистка и феминистка. – *Примеч. ред.*

Сажа

Как-то раз мы обнаружили, что несколько младенцев наших рожениц одновременно заболели – у них гноились глаза, текло из ушей, началась диарея, пупки воспалились, а кожа покрылась прыщиками. Пострадали не все, но те, что заболели, тяжело переносили недуг. У детей взяли анализы, и в лаборатории сообщили, что все инфекции были вызваны одним и тем же штаммом золотистого стафилококка. Откуда же он взялся?

Сёстры и монахини сдали анализы, и выяснилось, что переносчиком золотистого стафилококка, от которого и пострадали дети, стала Синтия. Бедняжка была в ужасе от того, что заразила младенцев, тем более что сама она не чувствовала недомогания. Но результаты были неумолимы. Её тут же отстранили от работы, она прошла курс лечения антибиотиками, и инфекция пропала бесследно.

Медики использовали пенициллин, и дети также выздоровели. Ещё недавно некоторые из них могли бы умереть, а у некоторых наверняка бы развилось хроническое воспаление среднего уха, конъюнктивит или же инфекция лёгких, что могло бы привести к дальнейшим ухудшениям. Но антибиотики тогда были внове и действовали крайне эффективно.

Синтия две недели не работала и вернулась к делу совершенно уверенно. Больше вспышек инфекции не случилось.

Первым местом, куда Синтия отправилась по возвращении, был уютный домик в районе Боу. В таких условиях приятно работать, и всё шло как по маслу. У молодой матери, для которой это был пятый ребёнок, прогрессировали схватки, её мать приглядывала за остальными детьми, а бабушка, бывалая дама, для которой роды были куда менее пугающим событием, чем поход к дантисту, во всём помогала Синтии и приглядывала за огнём в камине.

– Еле-еле горит, я смотрю, надо б его раздуть, пока младенчика ещё нет. Надо ж, чтобы ребёночек родился в тёплой комнате, да, сестра?

Она взяла кочергу, поворошила тлеющие угли и открыла заслонку. Пламя вспыхнуло, но в этот момент под крышей что-то загрохотало, и в дымовой трубе обрушилась гора сажи, полностью загасив огонь. Женщина с криком бросилась к камину с газетой, пытаясь прикрыть очаг, чтобы сажа не попала в комнату, но тут опять раздался грохот, упала ещё одна порция сажи и разлетелась по всей комнате. Сажей было покрыто всё: стерильные инструменты, аккуратно разложенные на комод; белое постельное бельё; любовно приготовленная колыбелька, вся в ленточках и кружевах; сама Синтия, в чистом белом халате, маске и перчатках; и то же самое произошло с женщиной на кровати – хотя ей было уже всё равно, поскольку началась вторая стадия родов, а вместе с ней мощная схватка, предшествующая полному раскрытию шейки матки. Синтия в ужасе воздела чёрные руки. Сначала она решила вымыться и резво бросилась к тазу, но на воде и мыле красовалась плёнка сажи. Акушерка сорвала перчатки и с облегчением отметила, что пальцы остались чистыми.

– Господи, – простонала пожилая дама. – В жизни такого не видела. Что ж теперь делать, сестра?

– Тут уже ничего не попишешь. Если роды начались, мы их не остановим. Придётся продолжать как есть. Принесите ещё воды и вымойте этот таз. Спросите ещё, есть ли чистое бельё. Нам вряд ли хватит времени принести чистые инструменты из Ноннатус-Хауса, но можно попытаться.

С последней схваткой у роженицы отошли воды. Жидкость хлынула на впитывающие простыни, и к ним тут же начала прилипать кружащаяся в воздухе сажа.

Маску Синтии тоже покрывала сажа, так что она содрала её – всё равно от неё не было толка. Верхняя половина лица оставалась чёрной, а ниже носа всё было белым – акушерка напоминала клоуна.

Бедная Джанет, пыхтящая от боли и потуг, оказалась полностью испачкана сажей, которая каким-то образом попала даже под сорочку. Женщина попыталась стереть сажу с бёдер, но добилась только того, что на коже появились жирные следы.

– Господи, какая грязь, – простонала она и часто задышала. – Ещё одна схватка начинается... А-а-а!

Она скривилась от боли.

Вагинальный осмотр уже не требовался – Синтия видела макушку головы младенца.

– Не тужься, Джанет, постарайся не тужиться, просто мелко дыши, как собачка, часто-часто, вдох-выдох, вдох-выдох. Всё правильно, дыши. Я сейчас переверну тебя, чтобы принять ребёнка.

(В те годы нас учили, что роженица должна лежать на боку.)

Тем временем бабушка унесла таз и принесла горячую воду, чистые полотенца и простыни.

– Можно перенести её в другую комнату, сестра.

– Было бы неплохо, но мы не успеем, малыш может выпасть. Смотрите, я держу его головку. Ещё одна схватка, и он родится.

– Господи, какой кошмар. Джим побежал к телефону, чтобы вызвать сестёр, но он не успеет, так?

– Да. Давай, Джанет, дыши, всё в порядке, немножко сажки вреда не сделает.

Тёплый, нежный голос Синтии подействовал успокаивающе. Схватка прошла, Джанет расслабилась, взглянула на бабушку и акушерку и захихикала, а потом захохотала в полный голос.

– Вы бы себя видели... Опять пошло... А-а-а!

Следующая схватка началась всего через несколько секунд после предыдущей.

– Вот оно, – ахнула Джанет.

– Да, теперь надо повернуться. Подайте мне полотенца, – скомандовала Синтия бабушке. – Давайте уберём грязную простыню и положим полотенце, чтобы ребёнок лёг на чистую ткань.

Они поменяли подстилку, но сажа была повсюду. Руки были грязными, и всё, чего они касались, тут же пачкалось. Синтия перевернула подушку, чтобы Джанет положила голову на чистую сторону, но нечаянно испачкала её. Пожилая женщина попыталась омыть Джанет лоб холодной водой, что несколько улучшило ситуацию.

Ребёнок легко появился на свет, но роды – зачастую неприятная процедура: кровь и околоплодная жидкость были повсюду, а в сочетании с сажей всё выглядело особенно чудовищно. Новорождённая девочка, вся мокренькая, была покрыта чёрной слизью и хлопьями сажки. Синтия омыла её и перевернула, чтобы прочистить ей горло (в те дни это считалось полезной процедурой). Девочка завопила во весь голос. Синтия в отчаянии посмотрела на некогда стерильные инструменты. В этот момент полагалось перерезать пуповину, но ножницы, щипцы, вата и вода были покрыты сажей.

В этот момент на лестнице раздались тяжёлые шаги и ворчание сестры Евангелины:

– С чего это понадобилась ещё одна сумка, а? Мне пришлось проехать полмили!¹² Возмутительно! Надо понимать, свою она испортила? Ох, уж эти молоденькие акушерки, ничего-то они не умеют!

¹² Меньше километра. – *Примеч. ред.*

Дверь распахнулась. Сестра Евангелина оглядела комнату, не веря своим глазам, и воскликнула:

– Что вы тут натворили!

После этого она расхохоталась. Она смеялась так громко, что дом трясся. Монахиня привалилась к косяку, схватившись за живот, а потом рухнула на стул и запрокинула голову, уронив чепец.

Сестра Евангелина была дородной и представительной дамой. Что касается её характера, таких людей часто называют «неотшлифованными алмазами». Она родилась с большой семьёй в редингских трущобах в конце XIX века и выросла в чудовищной бедности. Первая мировая война дала ей шанс вырваться из замкнутого круга нищеты: в двенадцать лет сестра Евангелина бросила школу и устроилась на фабрику по производству печенья, а в пятнадцать перешла на военный завод. Оттуда девочка попала в военный госпиталь, где выучилась на медсестру и пережила единственный роман в своей жизни – впрочем, нам она об этом никогда не рассказывала. Впоследствии Евангелина вступила в орден Святого Раймонда Нонната и стала одной из монахинь-акушерок. Она проработала в Попларе тридцать лет – в том числе и во время бомбардировок Лондона. Местные обожали её за грубоватую прямооту, деловой подход и острый язык – разумеется, в стенах монастыря её лексикон резко менялся. С нами она зачастую держалась неприветливо и отстранённо, и рассмешить её было нелегко, но если уж вам это удавалось, то сестру Евангелину было не остановить. Её лицо, и без того красное и рябое, буквально багровело, и нос сиял на нём, точно маяк. Теперь же она ухватила за каминную полку, чтобы удержать равновесие, достала гигантский платок и утёрла глаза и нос.

– Это ж надо, я аж штаны обмочила. Видели б вы себя со стороны! – И она вновь расхохоталась.

Сестра Евангелина не чуралась вульгарности. Самые простые функции организма неизменно веселили её. Впрочем, предрасположенность к туалетному юмору она демонстрировала только в окружении своих пациентов-кокни, и вряд ли сёстры когда-либо видели её такой.

Шлёпнув себя по пышным бёдрам, она согнулась, задыхаясь от хохота. Синтия, встревожившись, постучала ей по спине. Вновь обретя дар речи, сестра Евангелина пропыхтела:

– Вы прямо как «Чёрно-белые менестрели»!¹³

Юмор её не отличался тонкостью, и шутки, как правило, получались довольно грубыми, но эта мысль привела её в восторг, и она несколько раз повторила:

– Чёрно-белые акушерки!.. Что ж такое у меня опять! Надо будет одолжить у вас полотенце перед уходом.

К этому моменту дети уже сбежали в комнату, заслышав шум. Они перепугались, когда бабушка вдруг прибежала к ним, вся чёрная от сажи, и потребовала принести воду, мыло и полотенце. Вслед за этим последовал торопливый разговор, из которого они ничего не поняли, после чего отец побежал к телефонному автомату. Когда в дом ворвалась огромная рассерженная медсестра и с ворчанием затопала на второй этаж, они спрятались за диваном – всё это было очень пугающе. Но вскоре раздалась раскаты хохота, и дети поспешили узнать, что происходит.

Ввалившись в комнату, они застыли, пытаясь понять, что к чему, и явно не веря, что взрослые могут натворить подобное. Всё вокруг было чёрным. Все хохотали. Толстая монахиня, перемазанная сажей, раскачивалась на стуле, а лицо у неё было таким красным, что

¹³ Сестра Евангелина имеет здесь в виду развлекательную телепрограмму «Шоу чёрно-белых менестрелей», которую показывали по британскому телевидению в 1958–1978 годах. Менестрелями (minstrel) в США с середины XIX века называли белых актёров, которые красили лица в чёрный цвет (отсюда и сравнение) и изображали негров, выставя их в глупом и смешном свете. – *Примеч. пер.*

казалось, будто она вот-вот взорвётся. Посреди этого бедлама кричал младенец. Дети потирали голову от восторга. Они принялись скакать и залезать на кровать к матери – к ужасу Синтии, поскольку новорождённый всё ещё был соединён с женщиной пуповиной. Они катались по полу, чтобы посильнее выпачкаться, и мазали друг другу лица. Бабушка попыталась призвать их к порядку, но всё было без толку.

Сестра Евангелина так хохотала, что раскашлялась и приговаривала:

– Всё, не могу больше, не могу, я сейчас помру. Передайте-ка полотенце, сил моих больше нет.

Она сунула полотенце под юбку и вытерла между ног. Дети, не веря своему счастью, сгрудились вокруг, пытаясь заприметить, какие панталоны носят монахини.

Видимо, смех благотворно подействовал на роженицу, поскольку третий этап родов продвигался благополучно. Извлечь плаценту целиком – непростая задача для акушерки, ей требуется призвать на помощь все свои умения и знания. Но Синтии практически не пришлось ничего делать – Джанет так смеялась, что плацента сама выскользнула из неё. Это было омерзительное зрелище – окровавленная слизистая масса, покрытая сажей, – но главное, что всё было позади. Впрочем, ребёнок был по-прежнему соединён с плацентой!

– Сестра, мне понадобятся чистые ножницы, зажимы и тампоны, – тихо сказала Синтия.

Сестра Евангелина была не просто забавным персонажем – она являлась профессиональной медсестрой и акушеркой, и среагировала на просьбу моментально:

– Надо вынести ребёнка в другую комнату и тщательно вымыть. В таких условиях перерезать пуповину нельзя. Сажа не повредит, но если она попадёт в кровь, последствия могут быть непредсказуемы.

Разочарованных детей прогнали и увели на первый этаж. Младенца вместе с плацентой унесли в соседнюю комнату и перерезали пуповину стерильными инструментами.

Уборкой пришлось заниматься бабушке. У неё ушло четыре дня, чтобы всё вымыть, и ещё несколько – чтобы прийти в себя.

Нэнси

*Крик проститутки в час ночной
Висит проклятием над страной.
Прорицания невинного.
Уильям Блейк¹⁴*

Сестра Моника Джоан поразила меня при первой же нашей встрече, которая состоялась холодным ноябрьским вечером в Ноннатус-Хаусе, – тогда мы съели целый пирог на двоих, и она вещала о расходящихся полюсах, пришельцах, эфирных эфирах и бог знает о чём ещё. Она всегда восхищала меня, и мне так и не удалось до конца понять её. Что заставило умную, талантливую, образованную и богатую девушку в конце XIX века отказаться от привилегий, которые давало место в высшем обществе викторианской эпохи, ради работы на самом дне, среди нищих? Как можно было отказаться от любви, семьи и детей ради монашеской жизни? На эти вопросы я так и не нашла ответов. Можно было бы понять глубоко религиозную женщину, которая к тому же ничего не теряет, уходя из мира в монастырь. Но сестре Монике Джоан было что терять – и однако же, она всё это оставила. По сути, она отказалась от своего положения в обществе за десять лет до того, как ушла в монастырь, – она стала медсестрой, а в 1890-е годы это была грязная и чуть ли не презренная работа. При этом её нельзя было назвать святой! Она была своенравной, высокомерной, язвительной, могла быть жестокой и бесчувственной, надменной и придирчивой. Я знала об этих недостатках, но всё равно любила её.

Больше всего на свете мне нравилось приходить к ней в свободные минуты и слушать её рассказы. Порой её мысли вертелись вокруг религии – она говорила о христианстве, язычестве, восточных философиях, оккультизме, теософии, астрологии; она интересовалась всем, и вместе с тем строго соблюдала монашеский устав. Как-то раз я спросила её, почему она оставила всё ради скромной жизни монахини, акушерки и медсестры.

Она подмигнула.

– Так вы полагаете, что мы живём скромно? Чушь. Ерунда. Наша жизнь полна приключений, риска, романтики.

– Тут я не спорю, – сказала я. – Каждый день у нас что-то происходит. Но я стала медсестрой в восемнадцать, потому что у меня не было выбора. А вы? У вас же была масса возможностей.

– Ошибаешься, милая. Возможность выбирать платья? Ха! Возможность тратить дни на визиты и никчёмные разговоры? Ха! Возможность часами вышивать или плести кружева? Это было невыносимо – и это в то время, когда девять десятых британских женщин из последних сил пытались прокормить полуживых от голода детей. До тридцати лет я не могла покинуть отцовский дом и стать медсестрой – или заняться хоть чем-нибудь полезным.

Она явно была в хорошей форме. С сестрой Моникой Джоан никогда нельзя было угадать, что произойдёт дальше. В любой момент она могла умолкнуть, и я внимательно слушала.

– Когда Нэнси умерла, я страшно поругалась с отцом – он всегда стремился контролировать меня. Я ненавидела пустую жизнь, которую вела, и желала отдаться борьбе. Я ушла из дома и стала медсестрой – это было самое меньшее из того, что я могла сделать в память о ней.

– А кто такая Нэнси?

¹⁴ Перевод Сергея Маршака. – Примеч. пер.

- Моя горничная. Её хирургически изнасиловали.
- Что?! Хирургически изнасиловали? Что это значит?

– Именно это и значит. Джозефин Батлер спасла девочку и спросила, соглашусь ли я взять её себе в служанки. Тогда мне было восемнадцать, и мать позволила мне нанять горничную. Нэнси было тринадцать.

- А кто это – Джозефин Батлер?

– Безвестная святая. Что за безграмотность, дитя моё! Я не могу тратить время на подобное невежество. Принеси мне чаю, если уж твой разум не в состоянии воспарить.

Сестра Моника Джоан закрыла свои прекрасные глаза и высокомерно отвернулась, сигнализируя тем самым, что ей нанесли оскорбление, и разговор окончен.

Мучимая гневом из-за её уколов и одновременно стыдом (меня не в первый и не в последний раз обуревали подобные чувства), я побрела на кухню. Но в тот же вечер я спросила сестру Джулианну, кто такая Джозефин Батлер.

Джозефин Батлер родилась в 1828 году в семье состоятельного землевладельца в Нортумберленде. Все семеро детей в семье получили хорошее образование и с малых лет привыкли размышлять о неравенстве классов и условиях жизни бедняков. В те дни подобный образ мыслей считался неординарным, радикальным и даже опасным. Дед девочки вместе с Уилберфорсом сражался за отмену работорговли, и маленькая Джозефин то и дело слышала разговоры взрослых о рабстве, эксплуатации детей, труде рабочих и подобных вещах. Однажды она сказала: «Я с детства оплакивала жизнь угнетённых». Особенно её волновали судьбы женщин, которых нищета толкнула на проституцию, – в результате эти женщины часто беременели и оказывались с детьми на улице.

В 1852 году, когда ей было двадцать четыре, Джозефин вышла замуж за Джорджа Батлера, учёного и оксфордского профессора, который был старше её на десять лет. Как и её отец, он был сторонником радикальных реформ. Их брак оказался идеальным союзом душ. После свадьбы Джозефин с супругом переехали в Ливерпуль. В середине XIX века найти в Ливерпуле бедняков не составляло никакого труда. В одном только рабочем доме содержалось пять тысяч человек. Джозефин помогала женщинам, которые щипали паклю: «Целыми днями они сидели в сырых, заплесневелых подвалах, где не было никакой мебели. Однако они приходили туда добровольно, движимые голодом и отчаянием, умоляя о куске хлеба и приюте хотя бы на несколько ночей».

В 1864 году пятилетняя дочь Батлеров, Ева, упала с лестницы и погибла. Джозефин парализовало горем. Она всегда была глубоко религиозна, но теперь замкнулась в себе, отвергая всякую поддержку и утешение.

Джозефин, как и большинство жителей Великобритании, не знала о том, что в том же году в парламенте рассмотрели закон «О заразных болезнях». Когда два года спустя она услышала об этом, потрясение помогло ей выбраться из депрессии.

Акт 1864 года «О заразных болезнях» был направлен на «предотвращение распространения заразных заболеваний в военных лагерях и на военно-морских базах». В армии наблюдался рост венерических инфекций, и возникали опасения, что военная сила может оказаться под ударом. В те дни подразумевалось, что болезни переносят именно женщины, и чтобы остановить распространение инфекции, надо контролировать проституцию. В теории идея была верной, но в Англии никогда не было легальных публичных домов. Женщины находили клиентов на улицах, а Акт уполномочил полицейских искать своих жертв там же.

В Лондоне появился добровольческий отряд полиции, который действовал под именем «полицейских-разведчиков». У этих мужчин было право арестовать любую женщину на улице по одному только *подозрению* в проституции, бросить её за решётку и вызвать врача, который подвергал её вагинальному осмотру в поисках следов венерических заболеваний

(Джозефин Батлер называла этот осмотр «хирургическим изнасилованием»). В те дни женщин среди медиков или полицейских не было, поэтому всё это проделывали мужчины, которые *вызвались на эту работу сами*, – и никаких свидетелей не требовалось. Если у женщины находили признаки венерического заболевания, её помещали в больницу для лечения. Если диагноз не ставили, ей выдавали справку о том, что она «чиста», но её имя сохраняли в полицейском архиве, и в любой момент её могли арестовать и повторить процедуру. В теории женщина давала письменное согласие перед первым осмотром, но на деле это было не более чем циничный фарс, поскольку в Акте говорилось, что женщин, отказавшихся от осмотра, следует держать в заключении, пока они на него не согласятся.

Этой чудовищной экзекуции могла подвергнуться любая женщина. В то время возраст согласия наступал в тринадцать лет, поэтому девочку-подростка могли счесть взрослой женщиной. Всё это касалось только представительниц рабочего класса, потому что женщины из высших слоёв общества никогда не появлялись на улицах в одиночку – они передвигались в экипажах или в сопровождении. Мужчин же не арестовывали и не досматривали, вне зависимости от класса, даже если заставляли их с проституткой, – борьба разворачивалась только в отношении женщин.

Несправедливость и аморальность этого закона потрясла и возмутила Джозефин. Теперь у полицейских появилась возможность безнаказанно преследовать женщин, и она поклялась Господу и своему мужу, что бросит все силы на отмену этого Акта. Джордж был для неё идеальным супругом. В те дни мужа полностью контролировали своих жён. Предполагалось, что благотельная женщина ничего не знает о проституции, сифилисе и тому подобных вещах, и уж тем более не говорит о них на публике. Джордж мог запретить Джозефин вести подобную деятельность – вместо этого он поддержал её.

Джозефин посещала собрания по всей стране, писала статьи и памфлеты, пыталась повлиять на членов парламента. Викторианское общество было поражено её резкими речами и откровенными описаниями «хирургического насилия над женщинами». Она заявляла, что осмотр с помощью влагиалищного зеркала – это своего рода изнасилование, и прямо обвиняла полицейских, врачей, членов магистрата и парламента: «Такое безобразное обращение с женщинами – это медицинское проявление похоти и стремления держать нас в кулаке, чтобы мужчины могли удовлетворять свои постыдные наклонности».

Подобные слова из уст образованной представительницы среднего класса шокировали общество, но одновременно и устыдили его, и в 1883 году Акт «О заразных болезнях» был исключён из законодательства Великобритании.

Нэнси не повезло родиться в семье бедной женщины из портового городка Саутгемптона. Девочка была старшей из пятерых детей, их отец умер, мать обстирывала гарнизон, а Нэнси таскала на спине бельё. Когда её арестовали, ей было тринадцать.

За ней начал волочиться один из соцработников. Его власть была безгранична, и как-то вечером он пристал к девочке.

– Зачем это ты таскаешься в порт?

– Я ношу стирку, сэр.

– А ещё зачем?

– И беру у них оплату, сэр.

– За что это?

– За стирку, сэр.

– И всё?

– Да, сэр, – Нэнси встревожилась.

– Дрянная девчонка, ты врешь.

– Нет, сэр, неправда, – прошептала она.

– Маленькая дрянь, а ну пошли со мной!

Он потащил её по тёмной улице. Нэнси всхлипывала.

– Меня ждёт мама, мне надо домой...

– Знала бы твоя мать, чем ты занимаешься, она б тебя на порог не пустила!

– Я хорошая девочка, сэр, я ничем таким не занимаюсь! Вот мои три пенса за стирку, мама ждёт, когда я принесу деньги.

– Твоя мать постыдилась бы прикасаться к деньгам, если б знала, как ты их заработала!

В участке полицейский сунул перепуганную девочку за решётку.

– Жди здесь! – приказал он и удалился.

Согласно Акту о заразных болезнях, осмотр должен был проводить врач, поэтому его немедленно вызвали. Когда доктор пришёл, оба мужчины натянули перчатки: они были распалены и полны готовности выполнить всё, что требовал от них закон, и даже более того, если им этого захочется. Свидетелей не было, их присутствие не требовалось.

– Умеешь писать? – рявкнул врач. Нэнси кивнула, слишком напуганная, чтобы говорить. – Тогда укажи тут своё имя.

Ей сунули бумагу с ручкой, и, сама не зная того, она подписала согласие на осмотр.

Полицейский схватил её и бросил на стол, задрал юбку и привязал подол к ножкам стола, закрыв девочке лицо, чтобы приглушить её крики и лишить её возможности видеть происходящее. Врач раздвинул ей колени и прижал их к груди, а после связал ноги девочки. Панталоны с неё сорвали. Нэнси в ужасе заметалась – хотя ноги её были скованы, ей всё же удалось оттолкнуться.

Она упала и повредила спину о край стола – от удара нижний позвонок сломался. Нэнси так и не восстановилась от этой травмы. Врач и полицейский с проклятиями затащили её обратно и привязали кожаным ремнём так, что она больше не могла двигаться.

После этого начался осмотр. Акт требовал, чтобы врач сперва проверил наличие характерных для гонореи выделений или бородавок, а также сифилитических язв на половых губах. При необходимости он мог ощупать вагину изнутри в поисках язв или других признаков венерических заболеваний. Мог использовать вагинальное зеркало и щипцы для осмотра шейки матки. Мужчины выполнили всё в полном объёме. У них ушло сорок пять минут на осмотр, который должен был занять не более двух-трёх минут.

В наши дни для такой процедуры по-прежнему используется стерильное вагинальное зеркало. В те дни оно представляло собой тяжёлый металлический инструмент длиной в пять-шесть дюймов¹⁵, состоящий из двух частей. В сложенном состоянии это был круг около полутора дюймов¹⁶ в диаметре, который вставляли в вагину, открывали на два-три дюйма¹⁷ и укрепляли распоркой, чтобы осмотреть шейку матки. Гинекологическое зеркало XIX века было сделано из грубого, необработанного металла, и вряд ли кто-то трудился смазывать его перед осмотром.

Врач и полицейский несколько раз вставляли зеркало в бедняжку, поворачивая и вращая его. Они совали в неё пальцы. Потом пришёл черед других инструментов – например, длинных щипцов, которые они помещали ей во влагалище, якобы в поисках венерических заболеваний. Можете вообразить боль, которую чувствовала при этом тринадцатилетняя девочка? Неизвестно, изнасиловали ли они её после осмотра. Удовлетворившись, они развязали Нэнси.

– Она чистая, признаков болезни нет. Можно выдать ей справку. Давай, подымайся, мы оформим тебе подтверждение, твоя родня будет довольна.

¹⁵ Примерно двенадцать-пятнадцать сантиметров. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Около четырёх сантиметров. – *Примеч. ред.*

¹⁷ Примерно на пять-восемь сантиметров. – *Примеч. ред.*

Бедная мать Нэнси оказалась бессильна. Жаловаться было некому. Если бы ей хватило храбрости обратиться в полицию, она пострадала бы сама. Мужчины действовали в рамках закона. Если бы они изнасиловали девочку, последствий бы не было, поскольку во влагище уже побывало зеркало. Джозефин Батлер называла эту процедуру «хирургическим изнасилованием», и ей подверглись тысячи невинных женщин.

Мать Нэнси написала в Ассоциацию по борьбе с Актом «О заразных болезнях», и Джозефин Батлер лично приехала в Саутгемптон. Она посоветовала Нэнси немедленно покинуть город, потому что в противном случае её в любой момент могли схватить и подвергнуть повторному осмотру. Миссис Батлер пообещала найти для неё место – так Нэнси стала горничной юной Моники Джоан, мятежной дочери баронета.

– Её спина была повреждена, и несчастная с трудом ходила и всего боялась. Она прожила со мной одиннадцать лет и умерла от туберкулёза позвоночника.

Больше сестра Моника Джоан не говорила о Нэнси. Видимо, это воспоминание было слишком тяжёлым и болезненным для неё, даже спустя все прошедшие годы.

Меган-Мэйв

Меган-Мэйв были близняшками и достигли невиданных высот в мастерстве ворчания. Видимо, они коротали время в материнской утробе, жалуясь друг другу на тесноту, сырость, темноту и дурные запахи. Когда они вылезли на свет божий, крича и брыкаясь, то тут же начали критиковать яркий свет, шум и суматоху. Колыбелька их была то слишком жёсткой, то слишком мягкой, одежда – чересчур тесной или просторной, а еда то чрезмерно холодной, то чрезмерно горячей. Во время кормления (если их когда-либо кормили грудью) каждая из девочек наверняка хватала грудь сильными ручонками и яростно присасывалась, не отрывая чёрных немигающих глаз от своего двойника у другой груди, в мягких и нежных материнских руках. После еды они принимались жаловаться друг другу на колики и газы. Скорее всего, их не устраивало количество молока и общая скудость рациона, что не могло не сказаться на их состоянии в будущем. На протяжении жизни они отшлифовали своё мастерство и стали настоящими виртуозами своего дела – им удавалось найти изъян во всём вокруг.

Меган-Мэйв держали лавку овощей и фруктов на рынке на Крисп-стрит. Каждую неделю со среды по субботу они оглашали округу своими воплями – куда более звучными и агрессивными, чем у прочих продавцов. У них была пугающая привычка вперять взгляд в потенциального покупателя и вопрошать: «Ну?» Если не подозревающий об опасности человек медлил или терялся, они угрожающе перегибались через прилавок, сверкая чёрными цыганскими глазами, и ещё громче повторяли: «Ну? Чего изволите?» Если доверчивый потребитель полагал, что клиент всегда прав, его быстренько разубеждали. Меган-Мэйв никогда не уступали.

Удивительно, что они вообще что-то продавали, но, как ни странно, их лавка пользовалась огромной популярностью. К ним приходили самые разные женщины: с бигуди в волосах, в платках и домашних туфлях, с папиросами в зубах и детьми у подola, они толпились у прилавка, выслушивали бесконечные оскорбления и всё равно скупали всё подряд. Возможно, секрет успеха Меган-Мэйв заключался в том, что у них всё было на пенни-другой дешевле, чем у других. Впрочем, я видела их за работой, и мне казалось, что дело было не в этом. Обе женщины двигались с невероятной скоростью. Они могли взвесить фунт¹⁸ моркови или репы, бросить овощи в бумажный мешок, завязать его, посчитать, сколько будет стоить покупка с упаковкой, смерить покупателя взглядом и объявить: «С вас три шиллинга и семь с половиной пенсов», – прежде чем обычный человек успел бы набрать воздуха в лёгкие. Они виртуозно считали в уме и отличались сверхъестественной памятью, могли отбарабабить список в полтора десятков разных товаров вместе с ценами, посчитать сумму в шиллингах и пенсах (в шиллинге было двенадцать пенсов, а не десять), и никто не осмеливался им противоречить. Как-то раз я видела, как одна отважная дама пересчитала сдачу и сказала:

– Я дала вам десять шиллингов, вы должны мне три шиллинга и четыре пенса, а не два и одиннадцать.

Женщины выхватили у неё корзину, высыпали всё на прилавок, взвесили заново, выкрикивая цены и перебрасываясь цифрами, и в итоге заявили, что с покупательницы причитается семь шиллингов и один пенс, после чего сунули корзину ей в руки:

– Забирайте продукты, забирайте сдачу, два шиллинга одиннадцать пенсов, и больше здесь не появляйтесь! Нам такие покупатели не нужны.

Бедняжка удалилась, нервно пересчитывая монетки.

Возможно, большинство людей просто были заворожены энергией и самоуверенностью сестёр. Им не было равных. Язык каждой из них был острый, как бритва, но вместе

¹⁸ Примерно полкилограмма. – *Примеч. ред.*

они представляли собой опасное сочетание. Покупатели приходили, чтобы их оскорбляли, вынуждали покупать больше, чем они собирались, обсчитывали на пару пенсов и убеждали, что они отлично сэкономили.

Внешность у Меган-Мэйв была, мягко говоря, необычной. Казалось, что они попали сюда из другого века – и явно из другой страны. У них были тонкие черты лица, высокие скулы и чистая, хотя и смуглая кожа. Я уже упоминала, как устрашающе действовал на покупателей взгляд их чёрных сверкающих глаз. Обе были невероятно худыми, почти тощими, и при этом сильными и мускулистыми – крупные костлявые руки, длинные пальцы. Одевались они... Господи, как же описать их одежду? Стоит начать с того, что они выбирали совершенно одинаковые и довольно простые наряды, но всё равно выделялись в любой толпе. Меган-Мэйв носили старомодные бесформенные кофты, тёмно-коричневые или чёрные длинные юбки, подпоясанные широкими кожаными ремнями, на которых болталось по две-три связки ключей. Толстые фильдеперсовы чулки и старые бесформенные грязные ботинки. Особенно выделялись они своими головными уборами, без которых их никто и никогда не видел. Сёстры носили платки, так же, как и многие другие женщины, но так, что это привлекало внимание: они низко надвигали их на брови и затягивали так туго, чтобы наружу не выбился ни один волосок. Узел на затылке завязывался настолько крепко, что, казалось, ткань вот-вот треснет. Иногда я гадала, не облысели ли они из-за какой-нибудь редкой болезни, но это оказалось ошибочным предположением. Одеждой и платками они напоминали неуютливых буддистских монахинь. Глядя на них, я вспоминала работу Хогарта, изображавшую двух нищенок в лондонских трущобах XVIII века, – казалось, что они обрели плоть и кровь на рынке на Крисп-стрит.

Меган-Мэйв были замужем. Утверждали, что перед свадьбой три воскресенья подряд оглашали о предстоящем браке Маргарет, старой девы этого прихода, но в амбарной книге в итоге расписалась Мэйвис. Возможно, дело обстояло наоборот – стоит ли доверять слухам! Как бы то ни было, обе отзывались на имя миссис М. Картер. Кто именно встал перед алтарём и поклялся любить, почитать и повиноваться, никто не знал, а тем более Сид, их избранник. Если у него и были какие-то иллюзии о природе этих старинных свадебных клятв, Меган-Мэйв успешно их развеяли. Сёстры повелевали, а почитать и повиноваться приходилось ему. В дни наивной юности Сид, возможно, и думал, что хорошо устроился и заполучил двух женщин по цене одной. Но жизнь научила его, что все выгодные сделки доставались только Меган-Мэйв, а остальным приходилось платить сполна. Это был хилый мужичок, пяти с половиной футов ростом и весом в семь стоунов¹⁹. Он вечно торчал на рынке и таскал ящики с яблоками, грушами, капустой и брюквой к лавке, где голосили его жёны. В отличие от прочих кокни, он никогда не шутил и не смеялся, не выпивал с другими торговцами, не участвовал в розыгрышах и не способен был, казалось, увидеть позитивную сторону жизни. Он никогда не улыбался, а просто таскал свои ящики и сундуки, порой чуть не падая под их весом: кепка надвинута на глаза, губы сжаты в тонкую прямую линию. Сид ни с кем не разговаривал и не приглашал никого к беседе. Когда торговля заканчивалась, он исчезал. Если и был у него любимый паб, место для прогулок или значный уголок в порту, об этом никто не знал.

Когда Мэйв забеременела, все трое удивились. Они были женаты уже несколько лет, и брак считался, если выражаться в библейских терминах, бесплодным. Без детей им жилось неплохо. Сёстрам было уже тридцать восемь, и, узнав о беременности, Мэйвис сразу избрала для себя роль великомученицы. Бедняге Сиду приходилось нелегко. Жёны ворчали и беспрестанно цеплялись к нему, и он похудел ещё на стоун и выглядел так, будто вот-вот исчезнет окончательно.

¹⁹ Примерно примерно метр шестьдесят и сорок пять килограммов. – *Примеч. пер.*

В Меган проснулся настоящий боец. Сама Мэйв стала тихой и мягкой, но энергия и агрессия Меган удвоились. Женщина обрела новый смысл существования. Не будет преувеличением сказать, что подготовка к родам стала целью её жизни. Она вдруг обнаружила, что Мэйвис уже много лет страдает от разнообразных немощей и недугов, причиной которых стали невыносимые жизненные условия, невнимание и невежество (остальных, разумеется, не самой Меган), но главное – врачебные ошибки. История болезней уходила корнями в самое детство, когда безграмотная акушерка («Которую стоило бы вздёрнуть», – возмущалась Мег), потянула за ручку Мэйв, младшую близняшку. Все видели, что у женщины, очевидно, не было никаких проблем с руками – она двадцать лет таскала по рынкам фрукты и овощи. Мег, однако, не смущало отсутствие доказательств.

– Да вы взгляните только на её *конституцию*! Всё ж дело в *конституции*! Ребёночком она недоедала, это ж кошмар был какой-то. Папаша наш пил, а от матери толку не было, она ему и слова поперёк молвить не смела. С недоедания всё и началось, и посмотрите на неё теперь – разве ж она перенесёт беременность? У неё ж никакой *конституции* нет!

Длинный перечень претензий к врачебному сословию воспроизводился при всяком удобном случае. Фраза «врачебная ошибка» была её любимой.

– Вены ж тугие! У неё тугие вены, видите? А они ещё всё испортили. Напортачили. Я про это читала, и всё надо было делать не так. Врачебная ошибка! Едва её хромой не оставили. Вы только посмотрите. Всё испортили. Вены теперь так и вздулись. Покажи-ка ноги, Мэйв.

Та послушно спускала чулки.

– Разве ж так должно быть? Если б ей вены тогда вылечили, они б теперь не надувались. Ох уж эти доктора! Я и то лучше разбираюсь! Ничего-то они не знают.

На следующий день наступала очередь «жёлтых камней».

– Вы только взгляните на неё. Всё желтеет и желтеет. Я говорю врачу, смотрите, она вся пожелтела, это *жёлтые* камни у неё. Сделайте что-нибудь, а не то я обращусь в медицинский совет. Но он даже не пошевелился. Для него гольф куда важнее...

Мег пристрастилась к чтению. Она обошла все лавки с подержанными изданиями и книжные ярмарки от Портобелло до Поплара в поисках старинных медицинских учебников. Большинство торговцев с радостью избавлялись от подобной устаревшей макулатуры, но Мег гордилась своей добычей и радостно тащила её домой. «Тут заключена вековая мудрость», – говорила она. Меган-Мэйв поглощали труды и приходили к выводу, что всё, что говорят врачи, демонстрирует их глупость, невежество или обычную злонамеренность, а значит, им нельзя доверять.

Поскольку Мэйвис было уже тридцать восемь, медики велели ей рожать в больнице. Мег тут же открыла огонь:

– В больницу?! Не смешите меня. Скажите лучше – в тюрьму! Знаю я эти заведения. Вы меня не заговаривайте. Да там женщины мрут как мухи!

Напрасно все уверяли, что современные больницы не имеют ничего общего с лечебницами былых времён. Меган-Мэйв были непреклонны. Мег с умным видом извлекла из сумки пожелтевшую и отсыревшую книгу и смерила доктора презрительным взглядом.

– А на это вы что скажете? «Беременность суть естественное дело, и искусственная стимуляция тут не требуется. Мужчины не должны заниматься акушерством, это дело женщин». Что вы думаете, а, господин умник? Тут всё ясно, – и Меган торжествующе пихнула книгу доктору. – Почитайте-ка.

– Но это же «Трактат об акушерстве» доктора Коффина 1866 года! Медицина с тех пор шагнула далеко вперёд.

– Только вот не надо мне тут! Все вы одинаковые, знаю я вашу породу. Пренебрежение пациентками, вот что у вас там в больницах творится. Мэйв нужно особое обращение. Вы только посмотрите на неё. Слабая *конституция*, и всё из-за врачебных ошибок.

Мэйв сделала несчастное лицо и сжала губы:

– Это был кошмар.

– Кошмар, – повторила Мег, так же сжав губы.

Они закатили глаза и одновременно вздохнули:

– Ужас!

Доктор с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

– Так чего же вы хотите, если отказываетесь лечиться в больницу?

– Особого обращения, чего ж ещё? И самого лучшего.

– Я поговорю с сестрой Джулианной, старшей сестрой ордена Святого Раймонда Нонната. Это старинный орден, и акушерки работают тут со времён доктора Коффина. Возможно, сестра Джулианна согласится принять Мэйвис.

Сестра Джулианна обещала обеспечить Мэйвис дородовый уход и домашние роды, но сказала, что в связи с возрастом роженицы при процессе должен присутствовать доктор.

Мег тут же стала экспертом в вопросах беременности, дородового ухода и деторождения. Она штудировала труды Николаса Калпепера, знаменитого фармацевта XVII века, прославившегося своими травяными снадобьями. Особенно её интересовало «Руководство по воспитанию здоровых детей» от 1651 года. На одном из развалов она обнаружила издание «Наставления акушеркам» Калпепера 656 года и была сражена: в этой книге автор безжалостно громил прочие учебники по акушерству. Такой подход как нельзя более импонировал Мег. Впрочем она упустила из виду признание самого автора в том, что он ничего не знает об акушерском деле, а следовательно, не может давать практических советов по данному вопросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.